Женщина-отгадка (сборник)

Автор:
Мария Метлицкая

Женщина-отгадка (сборник)

Мария Метлицкая

Женское счастье

Для Марии Метлицкой нет неинтересных судеб. Она уверена: каждая женщина, даже на первый взгляд ничем не примечательная, – загадка. Почему ее героиня поступила так или иначе? Почему пожертвовала своим покоем, комфортом ради близкого, а иногда и не очень близкого человека? Почему полюбила того, кто никогда не сможет сделать ее счастливой? Неужели дело в пресловутой женской логике, точнее в отсутствии логического мышления, в чем так часто упрекают женщин? Конечно, нет. Дело в том, что женщины верят своему сердцу. А оно логике не подчиняется. Именно поэтому отгадать мотивы женских поступков так сложно. И так интересно.

Мария Метлицкая

Женщина-отгадка

© Метлицкая М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Женщина-отгадка

Конечно, она пришла по рекомендации – по-другому и быть не могло. Вариант типа агентства не для меня, хотя жизнь показывает, что бывает всякое. И рекомендация эта была через десятые руки. Но так все же спокойнее. Появилась она точно в назначенное время. Лично меня это всегда подкупает. Итак, она стояла на пороге. В полутьме прихожей она показалась мне почти девочкой, но при дневном свете я увидела и морщинки, и руки, и глаза, и несколько седых волос на голове. В общем, все сходилось – лет тридцать семь – тридцать девять, как и было заявлено – идеальный возраст для помощницы по хозяйству: опыт уже есть, а силы еще есть. Просто она была из тех женщин, которые вне возраста. Из серии – маленькая собачка, которая, как известно, и в старости щенок. Одета она была более чем скромно – в серо-черных тонах, и, по-моему, это ей не шло, оттого, что в самом ее облике не было никакого акцента. Вроде и придраться не к чему, а все как-то очень незначительно: носик, глазки, ротик – все неплохо, а взгляду зацепиться не за что. Хотя всем известно, что именно из таких вот женщин можно вполне сваять и красавицу – черты лица позволяют. Но сейчас передо мной была классическая женщина-невидимка. Из тех, с кем пять раз увидишься, а на шестой пройдешь мимо и не узнаешь. Ничего лишнего она не говорила – только тихим и ровным голосом, не поднимая глаз, отвечала на мои вопросы. «Подходит!» – подумала я, наученная горьким опытом. Я ее не почувствую. Она удачно мимикрирует под мое жилищное пространство, и я ее не замечу. А это в моем случае главное. Устала я от подробностей про мужа-идиота (естественно), про детей-сволочей (а как же иначе), про гадину-свекровь (ну, это и так ясно), про проблемы климакса (приливы-отливы, а то я не знаю), про больную поджелудочную (тошнит после копченой колбасы. Тошнит – не жри). И про то, что дубленке пятнадцать лет и денег, конечно, не хватает. А еще плюс к этому всему – пойдемте кофейку погоняем (раза три-четыре). И как хорошо, что у вас дома курят! Да нет, конечно же, не кофе жалко и не сигарет. Жалко времени. До боли. И еще – себя. Ну зачем мне все это? И за мои же, заметьте, деньги. Да-да, я всем готова посочувствовать, но мне же тоже есть чем заняться. Обычно я все это говорю подругам и страстно возмущаюсь. Но противостоять, увы, не могу. Теряю время, варю кофе, курю лишние сигареты, мою чашки. Раздражаюсь. Злюсь на себя. И боюсь обидеть человека. Всякое в жизни бывает. Плавали, знаем. В этой стране – что с сумой, что с тюрьмой в перспективе встретиться может каждый. Ведь могло быть и все наоборот – это я могла бы тереть ее унитаз и пылесосить ее ковер, если бы по-другому сложились обстоятельства. Зачем же обижать хорошего, в общем-то, человека.

Я внимательно разглядываю свою молчаливую гостью, и мне кажется, что ничего из вышеперечисленного мне в данном случае не грозит. Мы легко договариваемся о цене и обозначаем ее присутственный день. Кстати, у нее роскошное и богатое имя – Вероника. Ну пусть хоть имя. В общем, получилось так, как я и предполагала. Она приходила точно в назначенный час. Снимала свою курточку и брючки, аккуратно на коврик у двери ставила свои ботиночки (максимум тридцать четвертый размер). Переодевалась в старые джинсы и маечку и повязывала на голову косынку, как бандану. К рабочему дню она была вполне готова. Конечно, к любой уборке, если захочешь, можно придраться, но таких целей у меня не было. Да и вообще я была почти счастлива – она общалась со мной только по делу и тактично, два раза, тихо стучала в дверь. Я могла спокойно работать, и меня ничто не отвлекало. Почти… Почему? Ведь ее присутствие было практически незаметно. Я садилась за стол, раскладывала свои записи, расписывала ручки, настраивала свет. Пыталась сосредоточиться. Но что-то необъяснимое мне мешало – наверное, мешала я себе сама. Или что-то все-таки не так? Говорят же что-то про ауру и биополе. В общем, я искала объяснения и оправдания. В середине дня я выходила из своей комнаты и предлагала ей пообедать. Она отказывалась. Всегда. Выпивала только чашку чаю. И все, заметьте, молча. О себе – ни-ни. Теперь уже меня слегка разбирали любопытство и недоумение. Все же всегда со мной пытались поделиться. Располагаю, видимо. Но здесь не тот случай. Пару раз я задала наводящие вопросы. Замужем – кивок головы. Дети есть – то же самое. Ну и фиг с тобой. Глубже я не лезла. Словом, она была тиха, как украинская ночь, и я вроде должна была быть счастлива, но почему-то мне было неуютно, хотя именно об этом я мечтала.

Неладное (как ей показалось) заподозрила моя недоверчивая дочь. Эта Вероника ей категорически не нравилась. Объясняла она это так:

– Она мне непонятна, темная лошадка, что-то меня настораживает.

– Ну и что? – возмущалась я. – Она имеет право быть тебе непонятной. Все люди разные. И потом, если тебе что-то неясно, это не значит, что это плохо. Тоже мне – Ниро Вульф вместе с Пинкертоном.

– Нет, что-то здесь не то, – повторяла моя дочь.

И однажды эта доморощенная миссис Марпл зашипела мне на ухо и пальцем поманила в коридор. Вероника мыла окна на балконе.

– Смотри, – зловеще прошептала дочь и вывернула наизнанку курточку на вешалке. На бирке стояла марка известного итальянского дизайнера. Брендовое имя, стоящее действительно бешеных денег. Вот тебе и серенькая курточка. Все-таки ничего я в этом не смыслю. Потом с тем же зловещим видом моя проницательная дочь сунула мне под нос ботиночки.

– А это тебе как? – злорадно поинтересовалась она. На фланелевой серой подкладке скромных черных ботиночек я прочла тоже весьма знаковое имя. Я быстро представила стоимость этих черевичек. К этой марке я давно присматривалась. Правда, на этом наша встреча и закончилась – так, покрутила в руках и со стуком поставила на место. Цена на ботинки и мои финансовые возможности, увы, не совпали.

– Ну, что скажешь? – шептала дочь, вращая глазами.

– Может, подделка, – вяло предположила я. – В Конькове и не такое бывает.

– Не бывает, – отрезала дочь. – Дураку ясно, что это не палево.

– Значит, дураку ясно, а мне нет, – вздохнула я.

– Не прикидывайся, – почему-то разозлилась дочь. – Я тебе говорю, что что-то тут нечисто.

– А-а, – сообразила я, – наверное, это ей отдал кто-то из клиентов, ну, к кому она ходит убираться. Так часто делают. Помнишь, мы отдали твою старую дубленку Нине Васильевне? – Я радовалась своей сообразительности.

– Как же, отдадут такое, да еще совсем невыношенное. Да и размер тридцать четыре. Сейчас такого ни у кого и нет.

И правда, все мутируют, нормальный женский размер сейчас ближе к сороковому.

– Нет, что-то тут не так, – продолжала свои логические этюды моя любознательная дочь. – Ну не нравится мне эта тихушница. И ничего мы про нее не знаем. Глупо радоваться тому, что она помалкивает. А что у нее в голове? Это

настораживает.

– Отстань, – отмахнулась я и посоветовала ей заняться делом.

А в апреле Вероника мне позвонила и еще более тихим, чем обычно, голосом, извинилась – прийти она не может, так как свалила ее тяжелая двусторонняя пневмония. Видимо, после слишком раннего мытья чьих-то окон. Я ее заверила, что переживать нечего, пусть спокойно лечится и поправляется. Она закашлялась и, помолчав, спросила: не могли бы мы встретиться, чтобы ей получить зарплату. Обычно я платила ей в конце рабочего месяца. Я ответила: конечно, о чем разговор. И категорически возразила против встречи где-нибудь на полпути, как предложила она. При ее-то диагнозе и самочувствии! Я предложила ей завезти деньги, тем более что сегодня собиралась двигаться в том же направлении. Она помолчала и со вздохом согласилась. Я записала адрес. На мою радость, на плите стояла целая кастрюля куриного бульона, сваренного час назад. Я налила бульон в двухлитровую банку и положила туда половину курицы, по дороге купила гранаты и мандарины. Через сорок минут я стояла у ее порога. Она открыла мне дверь – бледная, с чернотой под глазами, с испариной на лбу, в длинной ночной сорочке, держась рукой за дверной косяк. На мои гостинцы среагировала с большим смущением:

– Господи, что вы, разве нужно все это было! Вы и так мне сделали такое одолжение.

– Ерунда, – отрезала я, – и не благодарите. С каждым может случиться. Может, в аптеку сходить?

Она села на кровать.

– Извините, кружится голова. Нет, спасибо, лекарства все есть.

– А бульон? Давайте я разогрею бульон, – предложила я.

Она покраснела и кивнула.

Я пошла на кухню, достала кастрюлю и стала разогревать бульон. Пока шел процесс, я села на табуретку и огляделась. Квартира была явно съемная, нищая

и убогая. Правда, было очень чисто. В съемных квартирах, как правило, есть какая-то жалкая и тревожная безликость – ни фотографий, ни каких-либо элементов уюта – статуэток, картинок, цветов в горшках.

Все как бы напоминает о том, что здесь поселились временно, не навсегда. Я налила бульон в чашку – так удобнее пить – и положила на тарелку вареную куриную ногу. Вероника полусидела на кровати и очень смущалась.

– Ну, теперь вы за мной ухаживаете, – лепетала она.

– Ничего страшного, – ободрила ее я. Она с жадностью выпила бульон – было видно, что голодна. Я оставила на журнальном столике деньги и уже собралась уходить, но тут вспомнила про гранаты. Я пошла на кухню и стала их чистить, складывая зерна в литровую банку. Потом ложкой будет есть – вряд ли у нее есть силы почистить их самой. Из комнаты она опять извинилась, что, дескать, зря я это затеяла, и так столько времени потеряла.

– Расслабьтесь, – посоветовала я. – Вам вредно беспокоиться. Сейчас все сделаю и пойду, а вам хорошо бы поспать.

Когда спустя полчаса я зашла в комнату, Вероника уже спала – бледная, с почти бескровными губами и влажными, прилипшими ко лбу волосами – ну просто птичка божья. Я поставила банку с гранатовыми зернами на убогую колченогую табуретку возле ее кровати и собралась уходить. Тут Вероника открыла глаза.

– Я пойду, – шепнула я, – а вы спите, спите.

– Не хочется, выспалась уже, – улыбнулась она. – Посидите еще чуть-чуть, если вы не спешите.

Я кивнула и опустилась в старое, потертое кресло – такие обычно стоят в коридорах районных поликлиник. Мы обе молчали. На древнем полированном секретере стояла фотография ребенка, мальчика, в дорогой, красивой рамке, совсем не вписывающейся в убогость обстановки.

– Сын? – спросила я.

Она кивнула.

– В школе сейчас? – Не то что мне было очень интересно, просто сложно было сидеть и молчать. Она молчала и смотрела в одну точку.

– Не знаю, – сказала она тихо, – не знаю, в школе сейчас или еще где-либо. Он живет отдельно от меня.

– С вашей мамой? – догадалась я.

– Нет, – она мотнула головой, – он живет со своим отцом. Моим бывшим мужем.

И мы опять неловко замолчали. Я поняла, что тут совсем все непросто, и выключила свое любопытство. Но она продолжила сама:

– У меня были муж, сын, было все, даже больше, чем человеку нужно. Муж был богат, были дом, машина, прислуга. Да, и прислуга, и кухарка, и садовник, и шофер. Вы удивлены? И еще сын. Теперь, как видите, нет ничего, кроме этой съемной квартиры. Но я счастлива. Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

Я кивнула. Она стала сильно кашлять и с трудом приподнялась на подушках. Я принесла из кухни воды.

– Я пойду, Вероника. К чему вам сейчас нервничать, – осторожно сказала я.

С какой-то немыслимой тоской в глазах она посмотрела на меня:

– Очень задерживаю вас, да?

– Да нет, просто вам так будет лучше, – предположила я.

Она покачала головой, и я покорно опустилась в кресло.

Откашлявшись, она продолжала:

– Я окончила балетное училище, потом была травма колена, так, небольшая, но из классического балета пришлось уйти – было трудно. Правда, и на приму я никогда не тянула. А вот в танцы взяли. – И она назвала самый известный танцевальный коллектив. – В общем, там все сложилось – и гастроли, и деньги, и поклонники. За одного из них я вышла замуж. Он уже тогда набирал значительные обороты, хотя богат еще не был. – Она оперлась на руки и подалась чуть вперед. – Откройте дверцу – там альбом.

Я послушно встала и подошла к секретеру. Там действительно лежал большой кожаный и тяжелый альбом.

– Открывайте, не стесняйтесь, – сказала она.

Я открыла альбом. На блестящих, глянцевых, ярких фотографиях развернулась во всей красе явно небедная жизнь. Загородный особняк, ухоженные лужайки с фонтанчиками, роскошное внутреннее убранство дома, сверкающий лак шикарного авто. Но главное не это. А главное – сама Вероника, узнаваемая с невероятным трудом – молодая, тоненькая, прекрасная, ухоженная до блеска, в потрясающей шубе до пят, с гладкой «балетной» головкой и искусным макияжем. Абсолютная красавица! От серой мышки нет и следа! На некоторых фотографиях был и ее ребенок, хорошенький, кудрявый мальчик, и солидный, лысоватый мужчина, скорее всего муж, от которого за версту пахло большими деньгами. Я закрыла альбом и посмотрела на Веронику. Видимо, в моих глазах она увидела и жалость, и сочувствие. Кроме любопытства, конечно.

– Не думайте меня жалеть, – сказала она твердо. – Я все это сделала сама, сознательно. И ни о чем не жалею.

– Что «это»? – наконец не удержалась я.

Она вытерла ладонью влажный лоб и тихо сказала:

– Я влюбилась. Безудержно. Ничто не могло меня остановить. Несчастный случай. – Она рассмеялась. – Он моложе меня на десять лет, тоже танцор. Познакомились мы с ним на юбилее нашего коллектива. Я, правда, тогда уже не работала: не по ранжиру – муж запретил. И сразу у обоих абсолютно снесло крышу. Вариантов не было. Отступление не рассматривалось. Я ходила как подстреленная, с безумными глазами. Даже особенно и не скрывала ничего. Мне

было все равно. Муж, естественно, все довольно быстро узнал. Не заметить всего этого мог бы только слепой. Мы стали разбираться, и я сказала, что ничего с собой поделать не могу. А он человек жесткий и конкретный. Сказал, что дает мне один шанс – подумать до утра. Исключительно ради ребенка. Чтобы я обрубила все на корню и одним махом. Знаете, так странно – в ту ночь я очень крепко спала. А утром сказала ему, что ничего поделать с собой не могу. Тогда он предложил мне собрать вещи – на сборы дал три часа. В общем, я собрала, что сумела, и ушла с двумя чемоданами. – Она вздохнула и закрыла глаза. Было видно, что она очень устала. Молчали мы минут десять. Первой не выдержала я:

– А сын?

– Ну, – усмехнулась она, – здесь же и так все понятно. Как ведут себя в подобных ситуациях сильные мира сего? Как они все это решают? Да и потом, кто же такой матери отдаст ребенка? И что я смогу ему дать? В общем, с его деньгами и связями… Правда, царской милостью мне разрешено видеться с ребенком два раза в год. Я на такое благородство и не рассчитывала. Сначала было невыносимо. А теперь я привыкла. А так – я жива. И почти здорова, – улыбнулась она. – И вообще, у меня все хорошо. С моим любимым мы живем душа в душу. А то, что денег не хватает, так это можно пережить. Ведь не бывает все и по полной. Всегда приходится чем-то жертвовать. Из чего-то выбирать. – Она опять зашлась в сильном кашле.

– Я сделаю вам чаю, – предложила я и вышла на кухню. Очень захотелось курить. Я плотно закрыла кухонную дверь и с трудом открыла ветхую форточку.

Ничего себе жертва, подумала я. Я бы считала, что жертвой было бы остаться с нелюбимым мужем, только бы рядом с ребенком, да и как можно все это ставить на одни весы? Какие мужики? Ну просто нет на свете таких мужиков, ну не родились они просто, чтобы можно было выбирать между ними и собственным ребенком. Для меня это было определенно константой. Хотя я не была – и слава богу! – в такой ситуации. Да и жизнь за эти годы объяснила подробно, что такое компромиссы. И все же, если это компромисс… Понять до конца я этого всего, видимо, не способна. Для меня всегда был ребенок и – все остальное. Но мы же все такие разные. Да, не выглядит она счастливым человеком. А много ли я видела абсолютно счастливых людей? В общем, как сказал поэт, каждый выбирает по себе. И для себя. И в этом главная мудрость. Но все же ее очень жалко почему-то. Я налила чаю в большую щербатую кружку и выдавила туда половину лимона. Когда я зашла в комнату, Вероника опять дремала. Я

посмотрела на часы – все мои планы на сегодня рассыпались как карточный домик. День был сбит и потерян.

Я позвонила ей на следующий день и спросила, не нужна ли ей моя помощь. Она вежливо и сухо отказалась. Я пожелала ей здоровья и сказала, чтобы она не беспокоилась насчет работы – скоро майские, а в начале мая я обычно уезжаю на дачу. Я всегда старалась уехать пораньше – на даче мне спокойнее и лучше работалось. Договорились, что она позвонит мне в начале сентября, когда закончится дачный сезон. И мы вернемся к нашим прежним деловым отношениям.

Быстро пролетело, как всегда, такое стремительное и короткое лето, и в сентябре навалились полным объемом домашние хлопоты. Я помнила о Веронике, но что-то мне мешало позвонить ей самой. К концу сентября она так и не объявилась, и я с чистой душой начала обзванивать знакомых с целью найти помощницу по хозяйству – как это интеллигентно мы называем сейчас. Женщина, конечно же, нашлась, и через пару дней она стояла на пороге моей квартиры: примерно моих лет, крупная, одышливая, ярко накрашенная, в пышном и пестром наряде. Очень говорливая и довольно громкая. Я предложила ей чаю – она попросила кофе. Выпила две чашки, съела пару бутербродов, обрадовалась, что в моем доме курят, и выкурила три сигареты подряд. Дальше все было по схеме. Я узнала про пьющего мужа – сволочь, конечно. Про стерву-дочь – шляется, красится, как матрешка, курит-выпивает, работать не желает. Про гадину, естественно, свекровь, совсем выжившую из ума. Про симптомы климакса – подробно. Про то, что денег не хватает – продукты дорожают, правительство врет, как всегда, о простых людях не думает. Подружки в основном курвы. Про то, где лучше покупать мясо. Про сестру-брошенку из деревни Липки Калужской области.

– Убираюсь я шустро – будете очень даже довольны! Но люблю во время работы попеть – это как, ничего? Не помешает?

Я сидела и кивала, как китайский болванчик. Начинала болеть голова. Потом она тяжело вздохнула и предложила начать прямо сейчас. Чего откладывать, раз уж все равно приехала на другой конец Москвы? Честно говоря, у меня были другие планы, и я на это не рассчитывала. Но отказать было как-то неловко. Она стянула платье в крупных пионах (точно – рынок!), надела на мощное тело растянутые треники и мужскую футболку. И принялась за дело.

Я зашла в свою комнату и плотно закрыла дверь. Из коридора доносились знакомые звуки:

– Мой мармеладный, я не права.

По крайней мере, здесь все ясно и без тайн, которые, как известно, настораживают. Сейчас в моем доме был абсолютно понятный мне человек, и я не испытывала неловкости от того, что она мыла мой унитаз. Неудобство – может быть. Но точно не неловкость. Мне не прислуживала жена олигарха, пусть даже бывшая жена. Эта женщина была на своем месте. Женщина-отгадка. Без ореола непонятности и тайны. И мне было вполне комфортно. В собственной квартире, между прочим.

Я занервничала – чем кормить мою новую фрекен Бок на обед, она-то точно не откажется. Потом вспомнила, что в холодильнике есть зеленые щи и рыбные котлеты и, успокоившись, села за письменный стол. Моя певунья вовсю гремела стульями. Я достала беруши и взяла лист бумаги и ручку. На сердце было ясно и спокойно. Я принялась за работу.

Бабье лето

Все, как всегда, получилось кувырком из-за этой дуры Инки. Прости господи, все-таки родное дитя. Позвонила, естественно, среди ночи. Кой черт ей задумываться, что мать, приняв очередную дозу снотворного, наконец заснула. У них-то в Москве белый день! Орать начала сразу, с разбега, орать и рыдать – одновременно. Это у нее отработано – с детства опыт неслабый. Пока Стефа врубилась, попробовала ее хоть как-то на секунду прервать и понять наконец, в чем дело, прошло минут пятнадцать.

Анька тоже, конечно, проснулась, а у нее со сном тоже не ахти.

В конце концов Стефа поняла, что внук Тема в больнице, какой-то сложный перелом голени, хорошего не обещают, возможны осложнения – в общем, надо менять билет и срочно лететь в Москву. Стефа сидела на кровати, опустив голову, свесив ноги, и монотонно приговаривала:

– Да, да. Я все поняла, поняла, конечно, буду, завтра все сделаю, да, буду, буду.

Анька стояла над ней в белой ночной рубашке до полу, скрестив руки на груди. Стефа положила трубку и подняла на подругу глаза:

– Ты как привидение, господи!

Анька, не поменяв позы, сурово спросила:

– Ну что там опять?

Стефа махнула рукой:

– Тема в больнице, ничего страшного. Но ты же знаешь Инку! Придется менять билет.

– Идем на кухню, – предложила Анька.

Они сели на высокие кухонные табуретки (Анька называла их насестом), закурили, и Анька ловким, отработанным движением плеснула виски в стаканы с тяжелым дном.

– Ну и!.. – грозно изрекла она.

– Буду менять билет, – вздыхая, ответила Стефа.

Несколько минут они молчали. А потом, естественно, Анька разразилась. Гнев ее был логичен и справедлив, так же, как и доводы. «И Инна твоя придурошная – тебе не привыкать, и с Темой, слава богу – тьфу-тьфу, ничего страшного. И осталось всего пять дней. И когда они тебя оставят в покое, эгоисты, сволочи!»

Стефа задумчиво смотрела в одну точку.

– Никогда, – сказала она.

– В смысле? – уточнила Анька.

– В смысле не оставят в покое, – устало бросила Стефа. Потом взмолилась: – Слушай, пойдем спать, может, еще прихватим часок-другой, а?

Анька махнула рукой и в сердцах почти швырнула пустой стакан в мойку.

– Ну не злись, – попросила ее Стефа. – Если еще и тебе надо объяснять…

Анька сдаваться не собиралась.

– Да что там объяснять? Взрослая баба, тридцать лет, а висит хомутом на твоей шее. Вместе с дебилом-мужем и со своим отмороженным папашей. Доколе? Я тебя спрашиваю. Ну сколько это еще будет продолжаться?

Стефа устало махнула рукой:

– Всю мою жизнь. Разве это тебе непонятно?

– А не ехать, забить? – не унималась Анька.

– Посуди: что для меня будут эти пять дней? Совсем с катушек съеду. Ну и потом, мальчик же и вправду в больнице.

– Ну, давай, давай, – бросила Анька и пошла к себе.

Понятное дело, уснуть не удалось. Думала про внука, про обмен билета – удастся ли еще? Про Анькину обиду, про сломанный отпуск. В семь поднялась и пошла в душ. Выпила кофе, стало чуть легче.

В девять они с Анькой сели в машину и поехали на Манхэттен – в представительство «Аэрофлота». Билет, слава богу, поменяли. Перекусили в суши-баре, двадцать пять долларов – ешь сколько влезет. После Москвы – халява.

Вспомнили, что надо докупить подарки, рванули в любимый «Маршалс» – суетливо мотались от одной полки к другой, но все равно получилось спешно, дорого и бестолково.

Сели выпить кофе и отдышаться. Анька прокомментировала:

– Вам сейчас что-то возить – одна морока. У вас есть все, что здесь, и даже лучше. Это не прежние дивные времена: пачку тампакса, часы за доллар, зонтик за два – и ты благодетель. А сейчас?

Стефа не соглашалась:

– Подарки любят все. Я своим даже из Тулы подарки везу.

– Самовары? – поинтересовалась Анька и, помолчав, добавила: – Ну и дура!

Дома пытались упаковаться – места в чемодане, как всегда, не хватило. Анька полезла в кладовку и достала старую, пыльную, желтую сумку «Адидас» – кое-как все распихали.

Ну а потом, конечно, начался треп. Про все – про мужей, бывших любовников, родителей.

– Нет, это счастье, что у меня нет детей, – уверенно говорила Анька.

«Ну-ну, – думала Стефа. – А то я не знаю, сколько лет ты маялась. Хотя, конечно, положа руку на сердце, правда в этом есть. Особенно когда думаешь о своей любимой дочурке».

В двенадцать разошлись по комнатам – в шесть утра надо было уже выезжать из дома.

Стефа стала почти засыпать и вдруг почувствовала какое-то движение возле себя. У кровати стояла Анька и держала что-то темное в руках. Стефа испуганно подскочила.

– Что это? – шепотом спросила она.

– Шуба, – ответила Анька и бросила что-то на кровать. Зажгла свет.

На кровати, почти накрыв Стефу, переливалась и сверкала шоколадным блеском норковая шуба.

– Ты спятила, она ж новая! – прошептала обалдевшая Стефа.

– Ну и хрен с ней, надену здесь два раза за зиму, а ты поносишь.

– Нет-нет! – заверещала Стефа. – Не возьму ни за что, даже не думай. Тоже мне, любовница Абрамовича нашлась!

Они еще долго препирались, перебрасывая почти невесомую шубу с рук на руки, потом устали, сели обнявшись на кровати и дружно заревели – от близости, от чувств, оттого, что вся жизнь (ну, почти вся) прошла вместе и даже те последние пятнадцать лет, что их разделяли материки и океаны, они все равно оставались самыми близкими на свете людьми.

Потом пошли на кухню курить. Выпили чай, съели по бутерброду, кляня себя за несдержанность. Опять плакали и смеялись и, наконец, разошлись по углам – каждая в своих нелегких думах.

Стефа думала о тотальном вдовьем одиночестве Аньки. Да, деньги, слава богу, есть, дом выплачен, старости можно не страшиться – а она не за горами. О том, что ближе и роднее Аньки нет никого на свете: общее детство, молодость – что может связать крепче и сильнее? Еще о том, что бог весть когда сможет опять выбраться в Нью-Йорк – деньги, болезни, работа, семья, все так непросто. В общем, жизнь не прошла – проскочила, как случайный воришка, схвативший что-то с испугом. Тревожилась о внуке, думала о своей нелепой дочери – надежды на ее взросление, осмысление и понимание жизни становились все призрачней. Все ждала – перерастет. Как же. В сотый раз задавала себе одни и те же вопросы: когда ошиблась, что пропустила? И снова не могла на них ответить.

Анька тоже не спала – сначала почитала какую-то чушь, потом выключила ночник – и мысли, мысли… Как там поет их певец? «Мои мысли, мои скакуны»? Вот именно, скакуны. Про любимую подружку, почти сестру, да что там, не у всех сестер такая близость, как у них. Про ее домашних мучителей, про то, что Стефе уже пятьдесят, а покоя нет и не предвидится. И конечно, про свое: завтра она останется опять одна в прекрасном, удобном доме, с роскошной машиной в гараже – и со своим беспросветным и бесконечным, уходящим за горизонт

одиночеством. И со стаканом виски по вечерам. Только не будет Стефки с ее тревожным взглядом на этот самый стакан.

В аэропорт ехали больше двух часов.

– Поспи, – предложила Анька, глядя на бледное Стефино лицо.

– В самолете посплю. Поем и посплю, – мечтательно повторила подруга.

Прощаться, как всегда, было невыносимо. Анька протянула плотный белый конверт:

– Это на кладбище, – пояснила она. – Наймешь тетку, пусть покрасит, подправит, цветочки посадит.

Стефа решительно отвела Анькину руку.

– Не придумывай, никого нанимать не буду. Как делала все сама, так и буду. Весной сама покрашу, все посажу.

Анька отвела в сторону глаза, полные слез, и тихо сказала:

– Незабудки.

– Да, да, конечно, незабудки, – ответила Стефа и вытерла ладонью глаза.

– Мама так любила незабудки, – всхлипнув, сказала Анька.

Они обнялись и дружно разревелись. Потом Анька решительно оторвала подругу от себя:

– Долгие проводы – лишние слезы.

Она всегда была решительнее Стефы.

Пошли сдавать багаж. А дальше был паспортный контроль – и почему-то, как всегда, глухо забилось сердце. «Идиотка, – сказала самой себе Стефа. – Интерпол тебя разыскивает, старую дуру».

Потом она шаталась по дьюти-фри, долго раздумывая, купила мужу бутылку виски, блок «Мальборо» зятю, побрызгала на запястье новые ароматы, пришла к выводу, что остается верна себе – только «Шанель». Купила тушь от Элизабет Арден и пакетик леденцов в дорогу.

С трудом нашла крошечную курилку в клочьях сизого, плотного дыма – Америка вовсю боролась с курением, – жадно выкурила две сигареты подряд: предстоял перерыв часов в двенадцать, приготовила посадочный и стала искать выход на посадку.

В самолете досталось место у окна – ура, ура, хоть в чем-то повезло. Села и блаженно закрыла глаза.

«Ну и ладно, домой так домой – в конце концов, домой всегда неплохо», – подумала она.

– Добрый день, – услышала Стефа и открыла глаза.

Невысокий, плотный мужчина с остатками некогда буйных кудрей, в красном свитере и голубых джинсах, пытался засунуть сумку в антресоль для ручной клади. Стефа кивнула. Громко вздохнув, он тяжело опустился рядом с ней.

– Будем знакомы, Леонид. Путь неблизкий, – улыбнулся он.

Она нехотя откликнулась:

– Очень приятно, Стефа.

«Ничего приятного, – подумала она. – Бодрячок-весельчак, поспать точно не даст. Из тех, кому непременно надо пообщаться». Отметила: мужичок вполне, вполне, синеглазый, крупный хороший рот, породистый нос, увесистый такой мужичок. На узких бедрах хорошо сидят джинсы – она ненавидела джинсы не по размеру. Яркий свитер, клетчатый шарф – не все в его возрасте наденут

красное.

И она опять прикрыла глаза. Это значило «не хочу никаких разговоров». А он больше не приставал: надев очки, начал листать свежие газеты, предложенные стюардессой.

«Ну и славно, – подумала Стефа. – Слава богу, не идиот».

Проснулась она от запахов пищи – стюардессы разносили обед. Стефа взяла протянутый пластмассовый контейнер и почувствовала, как сильно она голодна.

Ее сосед с удовольствием глодал куриную ножку.

– На борту надо брать только курицу, – оживленно сообщил он. – Рыбу ни в коем случае.

– Да? – удивилась Стефа. – Я как-то над этим не задумывалась.

– Слушайте, а может, выпьем вина? – спросил он.

«Обрадовался, что я проснулась», – зло подумала Стефа.

– Нет, спасибо, от вина у меня болит голова, – вежливо ответила она.

– А может быть, что-нибудь покрепче? Коньяк, например? – не отставал он.

– Нет, – резко сказала Стефа. – Спасибо, я не люблю алкоголь.

– Да я, собственно, тоже. – Сосед, похоже, слегка обиделся и замолчал.

Потом они пили кофе, и Стефе было как-то неловко («Ну что я так с ним, ей-богу, вполне приличный мужик. А я какая-то злобная климактерическая идиотка»), и она сама завела разговор. Так, обычный треп: сколько пробыли в Нью-Йорке, в первый ли раз, ну, как вам Америка?

Он с удовольствием включился в разговор. В Штатах семь лет живет его сын, умница, красавец, все слава богу. Сначала, да, было непросто, как иначе, но сейчас он хорошо стоит: дом в Нью-Джерси, работа в стабильной компании, жена, детки… В общем, он за него спокоен.

– А что сами не перебираетесь? – поинтересовалась Стефа.

Он слегка нахмурился:

– Знаете, проблемы, проблемы…

Старая неходячая теща, у жены со здоровьем очень негладко, полгода назад перенесла тяжелую операцию на позвоночнике, пока передвигается по дому на костылях. И потом, работа – как ни странно, ему повезло, неплохая должность, приличная зарплата – и это в его-то возрасте. Словом, сам себе хозяин – а там, у сына, они будут только нагрузкой, обузой. Слава богу, можно летать к детям, было бы на что.

Стефа слушала и кивала.

– А вы? Гостили? – осведомился он.

Она почему-то стала подробно рассказывать об Аньке, об их многолетней, проверенной временем и обстоятельствами дружбе, о прерванном отпуске, о болезни внука…

Он слушал внимательно и с интересом. А потом она вздохнула: в общем, у всех свои проблемы, истина известная.

Они посмотрели по телевизору какой-то дурацкий американский боевик, и она не заметила, как уснула.

Перед посадкой он протянул ей визитку – мало ли что, знаете, вдруг смогу быть чем-то полезен. Она кивнула и нацарапала на картонке от сигаретной пачки свой мобильный – ну да, мало ли, вдруг, абсолютно уверенная, что ни «вдруг», ни «мало ли» никогда не случатся.

В зале прилета она цепким глазом сразу увидела Аркадия. Муж стоял, прислонившись к стенке, нога за ногу, руки в карманах, на лице кислая мина – обычное состояние крайнего недовольства окружающим миром.

Стефа вздохнула и, толкнув тележку, направилась к нему.

– Как дела? – спросила она.

Муж недовольно поморщился:

– Как сажа бела.

– Понятно, – ответила она.

В машине Стефа спросила, как внук. Муж раздраженно ответил, что вроде ничего страшного, но Борька Калинский в отпуске, а любимая подружка Наташка Кунельская, как всегда, летом на даче, проконсультироваться не с кем, а можно ли доверять этим врачам, он не уверен. И еще что-то бурчал, бурчал – словом, все как обычно.

– Господи, – вздохнула она. – Неужели надо было меня срывать? Каких-то пять несчастных дней, неужели вы бы не справились?

– Ты же знаешь свою дочь, – буркнул он.

«Да, все правильно. Анька права, я сама во всем виновата. Сама приучила к тому, что без меня не решается ни одна проблема». Три взрослых человека – муж, дочь, зять – терялись при малейших трудностях. Так было всю жизнь – и уже ничего не исправишь, это уже стиль их жизни. Она еще тогда, в молодости, все взяла на себя, а они привыкли, по-другому просто не мыслят. И так всю жизнь.

А дома все понеслось, закружилось. Квартира как после разрухи, бак полон грязного белья, обеда, естественно, нет. Она начала метаться, хвататься за все подряд, разбирать чемодан, размораживать курицу, чистить картошку, мыть унитаз.

Потом появилась дочь – и с порога претензии, обиды. Вечером пришел зять – тихий, забитый, в общем, никакой. Лишняя мебель в квартире.

Потом она висела на телефоне, искала помощи в больнице, где лежал внук, делала котлеты для ребенка, варила кисель. В час ночи рухнула в кровать. Рядом похрапывал муж.

«Господи! – пронеслось в голове. – И это моя жизнь!»

Ноги гудели, а сон все не шел. Она встала и пошла на кухню. На столе стояли грязные чашки. Дочь с зятем перед сном пили чай.

– Ну хоть бы до раковины донесли! – простонала она.

Выкурила сигарету, зашла в ванную и долго смотрела на себя в зеркало. Да, пора опять красить голову – седина не лезет, а прет. Да и вообще к косметичке бы, сеансов на пять хотя бы, массаж, масочку, брови подщипать. Нет, так еще ничего, вполне ничего, только взгляд как у снулой рыбы.

Она вздохнула. Нечего бога гневить, есть талия (в ее-то возрасте), грудь (вполне, вполне), ноги. Да к чему это все – невостребованный, отработанный материал? А черт с ним со всем: надо просто попытаться уснуть, неохота пить снотворное, завтра куча дел – надо хорошо соображать, а после снотворного она – как будто пыльным мешком по голове ударили.

Стефа пошла в спальню, легла, плотно закутавшись в одеяло, и вдруг в голову пришла простая и жуткая мысль: а ведь ничего в жизни уже не будет. Ничего. И никогда. Два убийственных слова, перечеркивающих весь смысл дальнейшего существования. Какое страшное слово – «никогда»!

Наутро все закружилось, завертелось. Больница, разговоры с врачами. Позвонила Борьке в Турцию на мобильный, извинилась сто раз. Он молодец, все скоординировал, направил, связался с кем надо – мальчика перевели в двухместную палату.

Позвонила Мусе, умолила прийти, помочь разгрести. Муся не подвела, отложила свои дела, приехала, вымыла три окна, почистила ковры, постирала шторы.

В квартире, слава богу, стало можно дышать. Вечером с Аркадием поехали в «Ашан». Крупы, овощи, фрукты, мясо – все на неделю, дома пустой холодильник, мамочку готовились встретить, мать их. Поменяла постельное белье и с удовольствием плюхнулась в двенадцать с журналом: только оставьте меня все в покое!

За стеной дочь выясняла отношения с мужем. Как всегда, на повышенных тонах. Наплевать, что стены картонные и жуткая слышимость. Ей всегда было на все наплевать. Эгоистка, хамка и бездельница.

«Господи, ну когда я все упустила, когда?» – в сотый раз спрашивала себя Стефа.

В детстве, когда Инка бесконечно болела? Коклюш, свинка, корь, ветрянка – ничего не прошло мимо. В школу ходила через пень-колоду, а она, Стефа, потворствовала. Горло болит – сиди дома. Сопли потекли – оставайся, не дай бог, разболеешься.

В магазин одну не отпускала: однажды дочь пошла, так шпана отобрала пакет с продуктами и кошелек. На этом закончили.

От пылесоса чихает – аллергия, пол помыть – спина болит, для стирки есть стиральная машина. Готовить? Ненавижу запах жареного мяса. Ну черт с тобой, хотя бы учись! Какое!.. Целый день у телевизора или на телефоне.

Тощая, нервная, вечно чем-то больная, недовольная всем на свете. Кое-как, с грехом пополам засунули в пед. Там семьдесят процентов девок, ребята наперечет. А на тебе – нашла же. Правда, такого же, как сама – тощего, нескладного очкарика. На него никто и не зарился, совсем неликвид.

Ничего, сообразили – к третьему курсу ребеночка заделали и свалились все вместе на Стефину голову. Два студента плюс муж Аркадий, потерявший работу. Пришлось всех тащить. Внук не спал до трех лет – кричал каждую ночь. Естественно, не спали все. Дочь окончательно превратилась в неврастеничку, от зятя толку никакого, а муж… На мужа она и вовсе никогда не рассчитывала. Вдохнула поглубже, набрала воздуха – и потащила тяжелый воз. Сама. Ни радости, ни просвета, от всех только «надо, надо, надо». Всем должна и обязана. Не пожалеет никто и не посочувствует, не оценит. Как будто в стане врагов, а не

среди родных людей. Почему так сложилось? Значит, сама виновата. Как говорится, каждый кузнец своего…

Не смогла, не сумела – вот и плати. Она и платила. И почти не роптала. Правда, было так жалко себя! Пожалеет, поплачет, Аньке по телефону пожалуется. А та правду-матку:

– Гони всех на хер, хорошо устроились, сволочи! Пусть зять твой пашет по ночам, Инка твоя безмозглая пусть хотя бы на полставки, про муженька твоего и говорить нечего – свесил ножки и поехал. Ни у кого ни совести, ни жалости. Тебя не жалеют, и ты их не жалей.

В общем, все мы мастаки давать советы, выстраивать схемы чужих жизней. Чужую беду рукой разведу.

Нет, была, конечно, отдача. Внука Тему любила до самозабвения, до дрожи любила и жалела – родители никудышные, дед никакой. Старалась ему дать что могла – театр, музеи, цирк, киношки… В воскресенье шатались по старым улочкам, она что-то рассказывала, он слушал открыв рот, а у нее заходилось сердце – от нежности, жалости и любви.

Пытались разъехаться, но их малогабаритная «трешка» никак не менялась, даже на две захудалые «однушки». А так все-таки у всех по комнате.

Стало чуть легче, когда молодые вышли на работу. Инна, понятное дело, на три рабочих дня в неделю (не переломится) в какой-то частный садик методистом. Зять – в школу, преподавать математику. Зарплаты – слезы, что говорить.

Муж Аркадий лежал на диване и ненавидел все вокруг. Просто искры летели от недовольства. С молодыми не общался, внук его раздражал, со Стефой – так-сяк, с пятого на десятое, снисходительно. Потом, спасибо старому приятелю, пристроился на работу – от издательства развозил книги по точкам. Вроде бы водитель, а вроде бы и нет – все при книгах, при интеллигентных людях. Хотя, конечно, комплексовал – это я-то, с моим дипломом физтеха! В общем, гордыню кое-как смирил, но характер от этого лучше не стал.

Стефа пахала, как ломовая лошадь. Продавала БАДы – добавки к пище – от артроза, стенокардии, простатита, гипертонии и просто для похудения. Сама

сначала верила в это свято – иначе просто не смогла бы этим заниматься. Потом, правда, пыл поутих, эйфория прошла, но бизнес шел неплохо, и заработки были вполне приличные.

В общем, жили как могли, как многие живут. А кому легко? Кто нам обещал легкую жизнь? Да и вообще, она давно смирилась: жизнь к закату, если и было что-то хорошее (если очень сильно напрячь память), то все в прошлом, а сейчас все по возрасту. Это каких таких радостей ты захотела, детка? В твои-то пятьдесят! Уймись и радуйся, что ноги носят, внук здоров, семья какая-никакая, и есть небольшие радости в виде трехдневной поездки в Таллин или Ригу, неделька в Турции у теплого моря, новые сапоги (итальянские, между прочим) и вкусный кофе с шоколадным тортом в любимой кофейне. Заслуженно вполне, кстати говоря.

Конечно, многого было жалко, ну просто до слез: промелькнувшей, как мгновение, молодости, пробежавшей, как марафонец, жизни, казавшейся не очень справедливой… Вполне обоснованные претензии, кстати. Две-три юношеские влюбленности, закончившиеся, как и полагается, ничем. И дурацкий скороспелый брак – без любви, душевной связи, взаимопонимания, яркого секса. Просто по-дурацки, банально залетела на втором месяце непонятных, неопределенных отношений. Кино – кафе – койка. То, что не влюблена, – понимала четко, как и то, что аборт делать не будет ни за что, это просто не обсуждалось.

Аркадий выслушал ее страстный монолог («Рожу все равно, остальное твое личное дело – вопрос решенный») и, вздыхая, промямлил:

– А я, собственно, ни от чего не отказываюсь.

И они подали заявление. Анька, конечно же, яростно возмущалась:

– На черта тебе он нужен, никакой, зануда, брюзга, ты с ним чокнешься на второй день.

Аньке – пропагандисту пылкой и светлой любви – это было дико. Беременна? Ерунда! Есть мать и отец, не старые, в силе – помогут, никуда не денутся, главное, пережить первый шок. А этот брак обречен. Ну ладно, если тебя так волнуют приличия, выходи, черт с тобой, жри на свадьбе салат оливье, но сбегай

от него не позже чем через год.

– Сбегу! – пообещала Стефа.

Как же, сбежала! С той самой невеселой и тихой свадьбы минуло тридцать лет – день в день, год в год.

Дурацкая ситуация порождает сам выход из дурацкой ситуации.

Как продержался их ненадежный брак столько долгих лет? – часто спрашивала она себя. И представьте, находила ответ: виной всему нерешительность, привычка, неспособность принять жесткое решение. Инна, нервная, неспокойная с первого дня своей жизни, совместно купленный кооператив, дачи, строившиеся родителями с той и с другой стороны. И еще какое-то дурацкое чувство вины. Перед всеми: дочкой, родителями, мужем, которого, как ей казалось, она обвела вокруг пальца, обманула, объегорила, соблюдая свой, корыстный интерес… В конце концов, за сделку с совестью тоже есть своя плата.

Иногда смотрела на Аньку, на ее головокружительные романы – как правило, опустошающие ее до дна. А она ничего. Отлежится, залижет раны – и опять туда же, в тот же омут.

Стефа бы так не смогла! Какие-то бездумные, безудержные качели – вверх-вниз. Вздыхала – видимо, каждому свое. В общем, смирилась безропотно, с голубиной кротостью. Так и жила.

С внуком, к счастью, обошлось – спустя две недели мальчик был дома. А она уже вовсю пахала – дурила БАДами народ. Жизнь покатилась своим чередом.

Он позвонил ей в самые суетливые дни перед Новым годом. Она куда-то бежала (как всегда, сумки, сумки, господи, каблук шатается, не забыть купить хлеба и сметаны к грибному супу, да, и еще в сберкассу – счет за телефон, ведь отключат, а кроме меня, это же никому не нужно).

Сначала не поняла.

– Кто-кто?

Паршивая связь, громко кричала дурацкое «алло-алло, не слышно, перезвоните».

Потом долго соображала, кто звонит:

– Как-как? Леонид? Какой Леонид? Простите, не помню. – Потом наконец въехала: – Да-да, конечно! Как же, как же! Извините, мне сейчас не совсем удобно говорить, спускаюсь в метро. Вы могли бы перезвонить? Завтра? Да, конечно, завтра. Нет, лучше в первой половине, часов в двенадцать. Не обижайтесь, ладно?

Плюхнувшись в метро на свободное (спасибо, господи) сиденье и отдышавшись, наконец удивилась. Что ему надо? Вспомнил! И решила: делать нечего, наверное, с праздником поздравить. И забыла обо всем через десять минут.

А он объявился назавтра, ровно в двенадцать. Она была дома одна. Так, разговор ни о чем – дети, внуки, новогодние хлопоты. А потом совсем неожиданно:

– Слушайте, Стефа, а давайте с вами увидимся!

– Увидимся? – удивилась она. И непосредственно выпалила: – А зачем?

Он рассмеялся:

– Ну, просто пообщаемся, посидим в кафе. Вы любите суши?

– Наверное, – пробормотала она.

И они стали обсуждать место встречи.

– Только давайте не у памятников, глупо как-то в нашем возрасте. – А потом усмехнулась: – А вы вообще меня узнаете?

Ерунда какая-то! Она села в кресло и долго сидела, хотя дел было по горло. «Ерунда!» – повторила она. Нет, полная глупость. Надо сейчас же позвонить ему и отказаться, что-нибудь придумать. К чему это все? Полный бред.

Она набрала Анькин номер – потом посмотрела на часы и в испуге бросила трубку. «Господи, у нее сейчас глубокая ночь. Ладно, до завтра что-нибудь придумаю».

А ночью, когда бессонница, извечная спутница, опять начала ее крутить и выламывать, сказала себе: «Да черт с ним, пойду схожу, что, в конце концов, потеряю? Не девственность, точно. Просто проведу время».

Утром замотала свои богатые волосы в тяжелую, гладкую «ракушку», неярко подкрасила губы, надела в уши крупные жемчужины – бижутерия, конечно, но жемчуг очень шел к ее смуглой коже и темным блестящим волосам.

Серая узкая юбка, черный свитер, черные сапоги, нитка все того же жемчуга на шею. Критически осмотрела себя в зеркало: да, немного тщательно, но вполне себе стильно. Впрочем, стиль у нее был всегда. «А вы еще, дамочка, вполне ничего», – подмигнула она своему отражению.

Встретились в центре. Он стоял у Главпочтамта и держал в руке три желтые розы.

«Глупо! – подумала она. – Это в нашем-то возрасте. Какой-то дурацкий намек на возможность чего-то. Очень даже глупо. Свиданка, блин. Ну и как реагировать?»

Она подошла к нему и сказала: «Привет».

Он протянул ей розы, и она усмехнулась. Оба определенно были смущены.

– Я страшно голоден, а вы?

Она пожала плечами. Потом они сидели на втором этаже японского ресторана у стеклянной стены, и внизу растекалась огнями реклам и витрин красавица Тверская.

Болтали – обо всем и ни о чем. Обычный треп, впрочем, даже приятный. Он сидел напротив нее, подливал сладкое сливовое вино, задерживал взгляд на ее лице, и она почему-то смущалась, как подросток.

«А он вполне, вполне, – думала она. – И внешне радует глаз, ухоженный такой мужичок, подтянутый, красивые крупные руки. Словоохотлив в меру, вроде бы не зануда, ничего откровенно дурного не несет, и юмор такой невязкий, интеллигентный такой юмор».

Они вышли на улицу и, завороженные, остановились: с неба падал крупный и мягкий снег, который искрился всеми цветами в ярком свете мигающих реклам и ложился рыхлыми гроздьями на головы, плечи, козырьки парадных и влажную, раскисшую мостовую.

– Господи, какая красота! Просто сказка какая-то! – взволнованно пробормотала она.

Он взял ее за руку и посмотрел в глаза. Потом обнял за плечи, притянул к себе. Стефа прижалась лицом к влажной ткани его куртки и закрыла глаза.

«Идиотизм», – подумала она, но не отпрянула и не вынула свою ладонь из его крепкой и теплой руки.

– Поедем? – спросил он.

Она стряхнула с себя наваждение.

– Куда?

Он улыбнулся:

– Доверься мне!

– О как! – усмехнулась она. И с сомнением спросила: – А стоит?

Он кивнул:

– Не сомневайся.

Она вздохнула и пожала плечом.

В машине они молчали, а по радио хрустальным голосом пела бесподобная и невыразимо печальная Анна Герман.

– Это все из тех лет, – сказала она. – Впрочем, как и мы сами.

Он посмотрел на нее:

– Вот это точно не повод для расстройства.

– Это реальность, – грустно сказала она. – И было бы глупо этого не замечать.

– Смотря как к этому относиться, – не согласился он.

– Как ни относись, а довольно глупо делать вид, что еще многое возможно и подвластно. Всему, знаешь ли, свое время. – Она вздохнула и закурила.

– Ты увидишь, что все это не так, – тихо сказал он.

Она рассмеялась:

– Оптимизм в нашем возрасте – это почти диагноз.

Они въехали в плохо освещенный двор где-то в районе «Динамо», он открыл дверь машины и подал ей руку. А потом опять обнял ее.

Она слегка отодвинулась и внимательно посмотрела на него. Что ж, если я приняла эти правила игры, то нечего выпендриваться. Будем делать вид, что для меня это рядовая ситуация. Господи, только бы не упасть, как дрожат ноги!

Он долго возился с ключами, и она поняла, что это не его квартира. Они вошли в сумрак прихожей, и он нащупал кнопку выключателя. Она огляделась: это была типовая однокомнатная квартира, явно убежище холостяка.

– А ты предусмотрительный, – усмехнулась она.

– Это квартира брата, – ответил он. – Брат месяцами торчит в Новосибирске, у него дела.

– А ты, как я понимаю, поливаешь цветы, – с сарказмом бросила она.

Они прошли на кухню, и он налил в чайник воды. Она смотрела на него и думала: «А он, наверное, ходок еще будь здоров. А что, такие мужики еще о-го-го как в цене. Только зачем ему я? Наверняка может рассчитывать на кое-что и посвежее, и получше. Например, на разведенку лет тридцати пяти».

Они долго пили чай, пытаясь скрыть возникшую неловкость, а потом она поднялась со стула и сказала:

– Ну, мне пора. Ты едешь или останешься здесь?

– Я отвезу тебя, – ответил он.

В коридоре он подал ей пальто, а потом порывисто и отчаянно прижал к себе и поцеловал в плотно сжатые губы.

– Не ведаем, что творим, – пробормотала она и обняла его за шею.

Господи, а ей казалось, что она уже все и давно знает про эту жизнь. Что вряд ли ее можно чем-то удивить, а тем паче потрясти.

Она лежала у него на плече и водила пальцем по его животу.

– Надо двигаться, – вздохнула она. – А как не хочется. – Она тихо засмеялась.

Он наклонился и поцеловал ее закрытые глаза.

– Завтра увидимся?

– Ну ты разогнался! Такими темпами! И потом, завтра тридцатое.

– И что? – не понял он.

– Эх ты! – улыбнулась она. – Тридцатого все порядочные хозяйки варят холодец.

Он рассмеялся.

В машине они молчали, только иногда, освободившись от руля, на светофоре, он брал ее руку. У подъезда она торопливо чмокнула его в щеку и уже с тревогой посмотрела на свои освещенные окна на пятом этаже и выскочила из машины. Поднявшись на лифте, она выглянула в окно общего коридора. Его машина все еще стояла у подъезда.

А потом была суета и предновогодняя колготня. Ей почему-то вздумалось позвать гостей – впервые за последние годы. Она летала по квартире, не чувствуя усталости, зачеркивая на листке бумаги уже выполненные пункты – гусь с яблоками, салаты, пирог с капустой, «Наполеон».

Пришли соседи, милая немолодая пара с внучкой, приехала сестра мужа, одинокая, нелюбимая золовка, точная копия братца – угрюмая, вечно недовольная всеми и вся. Но Стефе было на все наплевать. Она рассаживала гостей, резала пироги, укладывала румяного красавца гуся на блюдо, украшала салаты.

– Что-то ты, мам, какая-то возбужденная, – точно подметила, поджав губы, дочь.

– Все вам плохо, – откликнулась она. – Может же быть у человека хорошее настроение!

– Да? – скептически удивилась дочь. – С чего бы это, интересно?

Она улыбнулась и повела плечом:

– А просто так.

– Ну-ну, – мрачно заключила дочь.

В три часа ночи она зашла в ванную и набрала его мобильный. Он не ответил на звонок. «Идиотка!» – ругнулась она, сидя на бортике ванны. Теперь он увидит мой звонок и решит, что я выжившая из ума старая дура. Через минуту пришла эсэмэска: «Поздравляю тебя и желаю тебя». Опечатка, наверно. Она улыбнулась. «И желаю тебе». Глупо, конечно, ошибся в одной букве – и совершенно другой смысл. Она стерла сообщение и вышла из ванной. Настроение у нее было замечательное.

А дальше был сумасшедший январь и не менее безумный февраль. Они встречались два-три раза в неделю – как получалось. И мчались как сумасшедшие в квартиру на «Динамо». Чай уже не пили, жаль было драгоценного времени – не хватало его, времени, наговориться, наобниматься, нацеловаться.

Они даже не заговаривали о совместном будущем, понимая, что этого будущего просто нет. И все равно это было счастьем: видеть друг друга, ощущать, трогать, бежать, задыхаться, терять голову, ждать звонка, считать часы до свидания, сидеть в машине, держась за руки. Просто молчать рядом. Говорить друг другу безумные, молодые, казалось, навсегда утраченные слова. И понимать, что жизнь расщедрилась, непомерно расщедрилась, выкинув напоследок, почти к финалу, такой подарок, справиться с которым пугающе не было сил.

Глобальных планов – нет, не строили. Взрослые, умные люди. А мечтать – мечтали. Ни о каком совместном отпуске, конечно, не было разговоров, а вот вырваться дня на три, конечно, мечтали. Например, в Суздаль. И близко, и колорит, и трехчасовая дорога – почти путешествие. И никого вокруг. Просто отодвинуть всю эту свою жизнь на три дня.

Получилось. Вранья и ухищрений уйма – но цель оправдывала.

Она выскочила из спальни в семь утра, пока все спали, чтобы спокойно принять душ, накраситься, собраться и чтобы никто не крутился под ногами. Выпила кофе – и мышью просочилась в дверь. Сердце стучало, как отбойный молоток. У лифта перевела дух. Там же, в лифте, вспомнила, что не взяла ночнушку и фенозепам. Потом рассмеялась. На черта ей ночнушка и фенозепам? Спать она там не собирается.

Вышла на улицу – было теплое, почти летнее утро. Она посмотрела на ясное голубое небо, глубоко вздохнула и быстро пошла к условленному месту. Через квартал, у «Седьмого континента», должен был ждать он.

А потом было самое прекрасное путешествие в ее жизни – длиной в три с половиной часа. Они болтали, слушали музыку, останавливались на опушке, пили кофе из термоса, ели бутерброды. И не могли поверить, что это все происходит с ними и наяву.

Ночью в маленьком номере гостиницы они впервые заговорили о своем прошлом.

– А я ведь однажды чуть не ушел, – сказал он.

Она молчала.

– Знаешь, мой брак был обречен с первого дня. Матушка-провидица это знала наверняка. Слишком разные люди. В юности думаешь: «Да черт с этим со всем! Какой барьер? Глупо, ей-богу». Она была девочкой из простой семьи. Очень простой. Мать и отец – заводские. Ничего плохого, конечно. Но не из тех работяг, каких любили показывать в кино в семидесятые – типа, умники, перспектива, душа болит за план и родной цех. Да нет, обычные, рядовые работяги низшего звена. Пьющий отец, забитая мать, комната в заводской общаге. Тихая беленькая девочка с испуганными глазами, глядевшая мне в рот. Хорошенькая, правда. – Он замолчал и затянулся сигаретой. – Очень хорошенькая. Все от комплексов, наверное. А почему еще мужчине хочется, чтобы на него смотрели, открыв рот? В общем, представь, какая была свадьба. Моя мать, потомственный врач, отец, скрипач филармонии, вся наша родня, гости… Короче, в шоке все. У всех взгляд недоуменный, сочувствующий. Интеллигентные люди. Видимо, решили, что невеста беременна и я соблюдаю приличия. Та сторона, невестина, веселится, пьет, народные песни горланит. За столом моих гостей – почти траур. Никто не злорадствует. Хотя, я думаю, могли бы, было смешно.

Жили после свадьбы у моих. Они молчали, ни слова, терпели визиты ее родни, сжав зубы. Через год купили нам кооператив. Мать, конечно, надеялась, что это закончится и у меня наконец откроются глаза. Глаза уже давно были открыты, но она – на шестом месяце. Да нет, она совсем не плохая. Старалась, как могла. Прибиралась, пекла какие-то пироги. А я все думал: ну, случилось, ошибся, с кем не бывает. Все еще можно переиграть, исправить, изменить. – Он замолчал. – В

общем, всю жизнь я думал, что что-то можно изменить. Был уверен. Наверное, надо было просто рвать одним махом и уходить. Тогда, в тридцать, сорок. – Он опять замолчал.

– А сын? – спросила она.

– Вот именно, сын, – повторил он. – Для кого-то это не оправдание, но это для кого-то. Парня я любил безумно. Смышленый был с первого дня. Послушный, забавный. Говорить начал в одиннадцать месяцев. Болел без передышек. В три года поставили астму. Аллергия на все, что растет, цветет и шевелится. Тянула его моя мать, очень помогала. Гомеопатия, Крым с апреля по октябрь. Сидели все там с ним по очереди. В общем, вытянули. А знаешь, когда столько вложишь…

Она кивнула.

– А потом, я думал: вот уйду, с кем он останется? С полуграмотной бабкой и пьющим дедом? Ведь непонятно, как бы жена себя повела, если бы я ушел. Театров и музеев он бы точно не увидел. Впрочем, и к жене у меня, по сути, претензий не было: в доме чисто, обед из трех блюд, рубашки поглажены. Все хорошо, все есть, кроме любви. С моей стороны. А она по-прежнему смотрит мне в рот, как я скажу – так и будет. Ни скандалов, ни слез, ни истерик. Придраться не к чему. Хотя, конечно, придирался. Как может раздражать нелюбимый человек, это я отлично знаю. Не приведи господи!

– Это да, – тихо отозвалась она.

– В общем, я смирился. Живут же и так. По-всякому живут. Тем более что я себе ни в чем не отказывал, – он усмехнулся и внимательно посмотрел на Стефу. – Но вот этого я тебе рассказывать не буду.

– Расскажи, – попросила она.

Он приподнялся на локте, внимательно посмотрел на нее и спросил:

– Правда хочешь?

Она кивнула.

– Ну смотри, – вздохнул он. – Один раз все было серьезно. Более чем. Моя коллега, моложе меня на девять лет. Разведенная молодая мать. Умница, красавица. Человек моего круга. Конечно, ей надо было жизнь выстраивать. И конечно, роль любовницы была не для нее. Она не юлила, не прикидывалась, а сразу и честно мне об этом сказала. Я оценил. Был влюблен, и вообще, у нас с ней многое совпало. Я пришел вечером с работы, жена на кухне лепит вареники с вишней – лицо в муке. Расстроилась, хотела сюрприз, не успела. А вареники с вишней я люблю больше всего на свете. В общем, ем я эти вареники, а из глаз слезы. Жалко ее стало до обморока. Она эти слезы увидела и тихо сказала: «Не плачь, все будет хорошо». И сама заплакала. Понимаешь, она меня пожалела. Конечно, все понимала. В общем, сидим мы на кухне и оба ревем. А тут звонок в дверь – трое ребят со двора и с ними наш Мишка с пробитой башкой. Мы в Морозовскую – его там обработали, зашили, в общем, ничего страшного, обошлось. Хорошо, что я был дома, машина под окном. Ну, понимаешь, курю я ночью на кухне, мыслей в башке никаких. Но одно понимаю твердо: никуда я не уйду. Отчетливо так понимаю, очень отчетливо. Так что тему развода я той ночью для себя закрыл. Раз и навсегда. Потом, знаешь, как это бывает? Сын растет, школа, институт, отмазать от армии, потом он рано женился. Дачу начали строить. В сорок пять у жены операция, поймали, правда, чудом, в самом начале, а было самое плохое. Тогда я думал: нервы, все нервы. Она же все понимала про то, что меня рядом с ней держит. Что я ей дал в смысле ее женской судьбы? В общем, ничто так крепко не вяжет по рукам и ногам, как чувство долга и чувство вины.

Он долго молчал, а потом добавил с горькой насмешкой:

– Короче говоря, жизнь прошла.

Он поднялся с кровати, подошел к окну и раздернул штору. Оба молчали.

– А что стало с той женщиной? – наконец спросила она.

– С той женщиной? – небрежно переспросил он. – Ничего не стало. Вышла замуж, родила дочку. Ничего не стало с той женщиной, – повторил он. – Впрочем, как и со всеми остальными.

Она тоже встала с кровати, накинула халат и зашла в ванную. Включила воду и долго рассматривала себя в зеркало.

«И со мной ничего не станет, – подумала она. – Конечно, не станет. От любви умирают только в трагедиях Шекспира. Или когда нет сил приспосабливаться к жизни. А у меня сил – о-го-го! И опыт тоже. Всю жизнь приспосабливалась».

Она усмехнулась, умылась холодной водой и вышла из ванной.

Он внимательно посмотрел на нее:

– Я тебя расстроил? Прости.

Она махнула рукой.

Потом они ужинали в маленьком подвальчике-кабачке, конечно, стилизованном под старую Русь – медвежатина в горшочках, пироги, медовуха. Гуляли по улочкам, держась за руки, как дети. Было хорошо, спокойно и почему-то немного грустно.

– Нельзя требовать от жизни многого. Я так и не научилась благодарить за малое, радоваться жизни. Ведь и этого могло не быть. Просто не случиться. Значит, спасибо, спасибо судьбе. И не хандрить, и не скулить. Мерзкий характер – печалиться даже тогда, когда тебе хорошо.

И действительно, было хорошо – все три печальных и светлых дня, таких бесконечно длинных и таких неизбежно коротких.

В последнюю ночь она читала ему стихи. Все свое любимое – Пастернака, Вознесенского. Читала долго, почти до утра. Он внимательно слушал, ни разу не перебив. Потом долго лежали и молчали.

– Не грусти, – сказал он.

Она не ответила.

– Может быть, все не так плохо? – с надеждой спросил он.

Она приподнялась на локте и посмотрела на него долгим внимательным взглядом.

– Все очень хорошо. И очень плохо, – сказала она. – В нашем возрасте уже не обманывают и не обманываются. Наверное, было ужасно глупо так глубоко в это вляпаться. Как выбираться-то будем? А? – грустно улыбнулась она. – Две траченные молью душегрейки, пытаемся согреть друг друга.

– На каждую ситуацию определенно есть два взгляда, – сказал он.

– Ну да, ты еще объясни мне, недотумку, что надо радоваться жизни – такой вот подарок небес. В наши-то годы! И еще предложи ни о чем не думать. Ну совсем ни о чем! Просто жить и радоваться. Радоваться и жить. Это и есть твой взгляд на ситуацию, – горько усмехнулась она.

Он пожал плечами и не успел ответить, а она продолжила, пылко и с отчаянием:

– Господи, пойми, я же не замуж за тебя хочу – смешно, ей-богу! Просто я не понимаю, куда это все катится, к чему приведет. Умеем мы, бабы, все испортить, да? – Она улыбнулась и шмыгнула носом. – Ну вот, еще разреветься недоставало. Как девочка.

– Ты – девочка, – тихо сказал он и обнял ее за плечи. – Ты и есть девочка, – повторил он. – Моя любимая девочка.

Она уткнулась ему в плечо и разревелась.

– Хочется поплакать – поплачь. – Он погладил ее по голове.

– А почему ты не говоришь мне, что что-нибудь придумаешь? – всхлипывая, спросила она.

Он замолчал и немного отстранил ее от себя.

Она встала, накинула халат и пошла в ванную. Долго стояла под горячим душем. Когда она вернулась в комнату, он крепко спал, широко раскинув во сне руки.

– Мужики! – вздохнула Стефа и легла с краю.

Утром они выпили кофе в кафе и двинулись в путь. По дороге оба молчали. Потом он закурил, приоткрыл окно и сказал:

– Понимаешь, так лихо завязаны узлы. Просто морские узлы. Не распутать.

Она кивнула.

– И вообще, бога надо благодарить за такой подарок. Я уже и не надеялся. Уже почти ни на что не было сил. Давай не будем забегать вперед.

– Не будем.

«Надо и вправду молиться на каждый отпущенный день», – подумала она.

Ночью она позвонила Аньке – из ванной, конечно. Анька пришла в восторг от всей ситуации – выспрашивала подробно, как и что. Стефа смущалась и пыталась съехать со скользких тем. Но дотошная Анька требовала подробностей. Стефа телетайпно отчитывалась:

– Все так! Так! Я и не представляла, что такое бывает.

– Вот видишь, – говорила удовлетворенная Анька.

– Прожила до пятидесяти лет и выяснила, что полная дура, – счастливо смеялась Стефа.

– Ни о чем не думай, – учила ее умная Анька. – Живи одним днем. Как будет, так будет. От тебя все равно ничего не зависит.

– Как не зависит? – пугалась Стефа.

Так пролетело лето – лучшее лето в ее жизни.

В сентябре он сказал, что нужно поговорить, – и они встретились в «их» кафе на Патриарших.

Он был мрачен и сосредоточен. Сначала – обычный треп, так, ни о чем. Но она что-то чувствовала: дрожали руки, и отчаянно колотилось сердце.

– Говори, – велела она ему.

Он кивнул и начал свой непростой рассказ. Проблема заключалась в том, что у его жены были неважные дела. Та, старая болезнь опять дала о себе знать. Состояние не критическое, но нужно принимать меры. Затягивать нельзя. Сын настаивает на поездке в Америку. Про преимущества американской медицины говорить не приходится. В общем, короче говоря, они уже начали собирать документы.

Леонид тяжело вздохнул и замолчал.

Стефа тоже молчала и смотрела немигающим взглядом в окно.

– Я поняла, – наконец выдавила она. – Ты уезжаешь. Навсегда?

Он пожал плечом:

– Кто ж знает?

– Ты. Ты знаешь, что навсегда. И не ври мне. Скажи как есть.

Он молчал.

– Ну и отлично. Не в смысле ситуации, конечно, извини. А в смысле того, что жизнь сама расставляет все по своим местам. Очень правильная жизнь! Очень мудрая! Все решила за нас. Такое облегчение! Никому не надо ни о чем думать!

Стефа вскочила со стула, схватила сумочку и плащ и, обернувшись у двери, бросила:

– Извини, но мне это просто надо пережить.

На улице накрапывал мелкий и теплый дождь. Сквозь серые облака виновато проглядывало робкое солнце. Под ногами кружились желтые и красные кленовые листья. Стефа вспомнила, как в детстве она собирала листья в букеты, проглаживала дома утюгом – и эта красота стояла в керамической вазе почти до Нового года.

«Бабье лето! – подумала она. – Вот такое, какое оно есть на самом деле, – яркое, теплое и короткое. Самое обманное время года! Обманное, нестойкое тепло, обманная, яркая, быстро увядающая красота. Пройдет, как не бывало. Спасибо за то, что было. Как я мудрею!»

Она шла быстрым, даже торопливым шагом, словно убегая от чего-то. Впрочем, ясно от чего.

Ночью, конечно, позвонила Аньке – обе ревели как белуги. Потом Анька сказала:

– Наплюй на всех, приезжай ко мне. Дом большой, нам места хватит. Будешь встречаться с ним, как прежде, только в декорациях другой страны. Устроишься на работу бебиситтером.

– А мои? – испуганно спросила Стефа.

– Не сдохнут. Уверяю тебя, не сдохнут. Твоя Инка зашевелится наконец, а твой Аркашка еще женится – вот увидишь. И все будут счастливы.

– Дура ты, – устало ответила Стефа. – Здесь дети, семья, внук. А там я буду на обочине чужой семейной жизни. Ждать смерти его жены, что ли?

– Ну, это уж как получится, – цинично ответила Анька. – В конце концов, каждый за себя. Такова жизнь.

– Нет, мне это не подходит. Это не для меня.

И Стефа, не прощаясь, нажала «отбой».

Он не звонил три дня. Небывалое дело. На четвертый Стефа сама набрала его номер.

– Как дела? – с наигранной радостью спросила она. – На какое число билеты?

Он ответил, что билеты – да, заказаны. Сейчас собирает последние медицинские справки и выписки и попутно укладывает вещи.

Она спросила:

– Когда увидимся? – Эта фраза далась ей нелегко.

Леонид немного подумал и ответил, что послезавтра.

Он подобрал ее у метро, и они поехали, как всегда, на «Динамо». В этот раз они не были нетерпеливы, как обычно. Долго сидели на кухне, пили чай и молчали.

Она встала, взяла чашки и подошла к мойке, чтобы их вымыть. Он подошел сзади и обнял ее за плечи. Она тихо поставила чашку и выключила воду.

– Ты – лучшее, что у меня было в жизни, – глухим голосом сказал он. – Ты – мое лучшее. Веришь?

Она кивнула.

А потом было три часа бесконечной ласки и нежности. Грусти и слез. Благодарности и отчаяния. Самых глупых и самых правдивых слов. Они исступленно ласкали друг друга и не могли оторваться. Она первая нашла в себе силы.

«Только бы не разреветься, – говорила она себе. – Все слезы будут потом. Только бы сдержаться. Я не имею права. Ему и так сейчас не приведи господи!»

– Закажи мне такси, – попросила она. – Пожалуйста, закажи! Если ты меня сейчас повезешь, у меня уже просто не хватит сил. И потом, представь, как мы будем прощаться в твоей машине! – Она вытерла ладонью глаза и улыбнулась.

Он долго смотрел на нее, потом кивнул.

– И не провожай меня, пожалуйста.

Такси приехало через двадцать минут, и эти двадцать минут показались ей вечностью. У двери она обернулась, обняла его рукой за шею и шепнула: «Пока». Больше ни на что у нее не было сил.

До его отъезда оставалось тринадцать дней. Они регулярно созванивались, но твердо решили больше не видеться.

Она прожила эти тринадцать дней страшно. Страшно было знать, что он еще здесь, в городе, в часе езды от нее. Страшно было не видеть его. Страшно было увидеть. Скорее, скорее бы пролетела эта чертова дюжина, эти тринадцать дней!

Он позвонил ей из аэропорта. Говорил торопливо и сбивчиво, словно боялся что-нибудь пропустить. Он говорил ей о том, что жизнь еще не кончена, это все глупости, что с его отъездом все закончится, в наш-то двадцать первый век.

– У тебя же виза на три года, – горячо повторял он. – У меня остается гражданство. В любой день, слышишь, в любой я смогу приехать к тебе. Или ты ко мне. У тебя же там Анька. А здесь, в Москве, у нас остается наша квартира на «Динамо». Все будет как прежде, слышишь? Я буду звонить тебе каждый день, черт с ними, с деньгами. И ты мне будешь звонить, да? Ведь не зря же изобрели эти чертовы гениальные мобильники! Я приеду скоро, очень скоро, месяца через три наверняка. А они пролетят очень быстро, слышишь!

Он почти кричал в трубку, а она ревела и только повторяла без конца:

– Да, я слышу, да. Я все слышу.

Он замолчал и выдохнул в трубку:

– Я просто не смогу без тебя жить.

Потом он заторопился и сказал, что надо бежать.

– Беги! – мягко ответила она.

И – странно – почему-то счастливо рассмеялась. Впрочем, почему странно? Ничего странного. Просто жизнь передумала кончаться и милостиво решила идти дальше. Только слегка в другом формате. Впрочем, какая разница? Ясно, что это не конец света, – и это самое главное. А со всем остальным вполне можно справиться. Люди со многим умеют справляться.

– Беги! – крикнула она еще раз.

Она вышла на балкон. Внизу, во дворе, деревья безжалостно сбрасывали прощальную листву. Последние теплые дни. Осколки бабьего лета. Но впереди будет еще много теплых и ярких дней. Она была уже в этом почти уверена. И в первый раз вся жизнь показалась Стефе не такой безнадежной. В конце концов, каждый проживает свою судьбу, и ее – не самая худшая.

Она подняла глаза и увидела в небе самолет. Проводила его взглядом и даже махнула рукой. Потом зашла в квартиру и плотно закрыла за собой балконную дверь – уже было прохладно, но, как всегда, еще не топили.

Она обвела глазами комнату, вздохнула и взялась за пылесос. Накопилась обычная куча маленьких и крупных домашних дел. Столько всего!

Она подошла к настенному календарю, висевшему в коридоре. Подсчитала и обвела карандашом декабрь. «Три месяца пролетят незаметно», – подумала она. Как всегда. Она посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась.

Мадам и все остальные

Мадам умерла в пятницу вечером, в больнице. Кира с тоской подумала, что такие долгожданные выходные безнадежно пропали. А это значило, что отменяется утренний сон в субботу – долгий и сладкий, потому что надо ехать в квартиру к Мадам и искать белье и платье, копаться в ее шкафах. Ехать в больницу – отвозить вещи. Забирать из больницы то, что Мадам уже никогда не понадобится. Общаться с жуликоватыми агентами ритуальных услуг. Выбирать

гроб. Заказывать отпевание. Обзванивать родню и знакомых (впрочем, насчет этого Кира сильно сомневалась). В общем, Мадам в очередной – и, скорее всего, последний раз, – как обычно, подложила свинью.

Ночью Кира спала плохо – оно и понятно, перед такими хлопотами. Утром в субботу набрала Нью-Йорк. Трубку снял Митя.

– Ну ты даешь, ночь на дворе! – сонным голосом возмутился он.

– Мать умерла, – сказала Кира.

– Да? – удивился он. – А почему?

Кира разозлилась:

– Да потому, что ей восемьдесят три года. Вполне весомая причина.

– Ну да, в общем, – согласился он.

Она слышала, что он вышел из спальни, закурил. Голос его окреп.

– Короче, тебе надо вылетать, Митя, – вздохнула Кира.

– Как ты себе это представляешь? – опять возмутился он. – Виза, билеты, как я успею?

– По-моему, все решаемо, – устало ответила она.

– Это тебе так кажется, – почти обиделся он.

– Ну, смотри, дело твое. Спокойной ночи, малыш.

Она сидела на кухне и смотрела в окно. По небу неспешно плыли тяжелые серые облака, обещавшие дождь. Кира налила в чашку кофе, закурила и опять взяла телефонную трубку.

Трубку на том конце взяли на седьмом звонке. Раздалось Каринино протяжное:

– Ало-у!

– Здравствуй, – сказала Кира. – В общем, умерла бабушка. Надо ехать в больницу и все оформлять. Отвезти в больницу вещи. Заниматься всем этим, короче говоря.

– Кир, ты что? – возмутилась Карина. – У меня четвертый месяц. Пузо тянет, тошнит, мне, знаешь, совсем не до этого.

– А мама? – спросила Кира.

– При чем тут мама? – резонно удивилась Карина.

– А при чем тут я? – спросила Кира. И положила трубку.

Она вошла в квартиру Мадам – и в нос ей ударил запах старости и пыли. Она прошла в квартиру, открыла настежь окна и сняла пальто. С портрета на стене на нее смотрела Мадам, как всегда, с вызовом и укоризной.

– Ну вот, моя милая, – сказала Кира. – Хочешь или не хочешь, а придется заниматься всем этим мне. Родственники у тебя еще те. Как всегда, соскочили. Впрочем, есть в кого.

Кира вздохнула, открыла шкаф и стала перебирать вещи. И вспоминать.

* * *

В лифте Митя обнял ее и сказал:

– Мадам – человек специфический, и это мягко говоря. Вообще-то она Бармалейша будь здоров! Но ты не тушуйся. А то точно сожрет.

Он рассмеялся и чмокнул Киру в нос. Она жалобно улыбнулась.

Мадам открыла дверь и долгим оценивающим взглядом посмотрела на Киру.

– В общем, так, мам. Это Кира, моя жена. Прошу любить и жаловать.

Мадам молчала. Было видно, что «жаловать» и тем более любить она вовсе не собирается.

– Почему сюда? – спросила Мадам.

– А куда? – удивился Митя. – Кира не москвичка, живет в общежитии.

– Ну, в этом я не сомневаюсь. – Мадам развернулась и пошла в свою комнату.

Кира растерянно стояла на пороге. Митя рассмеялся:

– Ну вот, я так и знал – испугалась!

Он взял ее за руку, и они зашли в квартиру.

Кире тогда было семнадцать. Студентка-первокурсница. Мама и папа в Калуге.

С Митей она познакомилась на улице – обычное дело. Встречались три месяца. Мотались по улицам, целовались в подъездах. В общежитии было строго – никаких гостей, тем более мужского пола.

Им казалось, что друг без друга они не проживут и дня. Выход один – пожениться, чтобы каждый день вместе, каждую ночь. И конечно же, на всю жизнь. Кто бы сомневался?

На следующий день Мадам отчеканила:

– О прописке не мечтай. Я не идиотка.

– А мне и не надо, – тихо ответила Кира.

– Ну, расскажи, – усмехнулась Мадам.

В общем, зажили. У них своя полка в холодильнике. Жили на две стипендии. В воскресенье Кира делала уборку – пылесосила, мыла кафель, плиту. Мадам выходила из своей комнаты и указательным пальцем проводила по поверхности мебели, проверяла на чистоту. Вечерами, по счастью, дома бывала редко – театр, подружки.

Хуже всего было в выходные по утрам, когда все сталкивались на кухне. Кира предлагала Мадам омлет, а та демонстративно разбивала на сковородке два яйца и жарила на соседней конфорке. Кира уходила в комнату и плакала. Митя утешал, смеялся и просил не обращать внимания.

Через полгода Кира поняла, что забеременела. Взяла в поликлинике справку – очень тошнило и кружилась голова. Полусидела-полулежала на высоких подушках. Открывала глаза, и на нее начинал падать потолок. Рядом с кроватью стоял большой эмалированный таз. Мити дома не было.

Мадам без стука вошла в комнату, села на стул напротив кровати. Обе молчали. Потом Мадам сказала:

– Это невозможно.

– Что? – спросила Кира.

Мадам кивнула на ее живот.

– Беги, пока не поздно, на аборт.

– Вы что, с ума сошли? – задохнулась Кира.

Та медленно покачала головой:

– Отец у Митьки был шизофреник. Там по всему роду идет эта болезнь. Через третье поколение. Страшные судьбы. Всю жизнь по психушкам. Его родная сестра повесилась. Брат прыгнул с моста. В шестнадцать лет. Он сам, Митин

отец, всю жизнь на препаратах. Тяжелейших. Месяцами не вставал с кровати. – Она замолчала и тяжело вздохнула. – Ты этого хочешь?

Ошарашенная Кира медленно покачала головой.

– Тогда беги. Беги, пока время есть. Через третье поколение, понимаешь?

Кира кивнула.

– Я могла бы от тебя это скрыть, но у меня есть совесть. Митьке ничего не говори – ему будет стыдно от того, что ты все знаешь про его отца. Придумай что-нибудь, ну, что еще рано, успеете или по показаниям. В общем, решай сама. Моя совесть чиста.

И вздохнув, Мадам вышла из комнаты.

Кира сидела на кровати, обхватив колени руками. Это все было невозможно. Страшно. Дико. Ужасно. Она вспомнила соседскую девочку в Калуге – слабоумную, с трясущимися ручками и струйкой слюны на подбородке. Девочка не понимала слов и смотрела на людей пустыми, немигающими глазами.

Через неделю Кира сделала аборт. Митя среагировал как-то удивительно спокойно:

– Рано, говоришь? Ну что, наверное, ты права, малыш. Все еще у нас с тобой будет.

Но – странно – отношения их после этого стали постепенно ухудшаться. Сначала остыла страсть – их уже так не бросало друг к другу, потом начались придирки, ссоры, а потом и скандалы. Так проскрипели еще два года.

Потом Кира ушла. В общежитие она не вернулась – сняла вместе с подружкой Ленкой комнату в коммуналке. Помогали родители.

Митю она долго не могла забыть, но жизнь, как водится, брала свое. Кира окончила институт и пошла на работу. Через два года вышла замуж, теперь уже официально – с загсом, рестораном, белым платьем и пластмассовым пупсом на

машине.

Но семейная жизнь не заладилась – Кирин муж очень хотел детей. Ничего не получалось – три выкидыша за три года. Бесконечные больницы и врачи, уколы и таблетки, тревоги и страхи. В результате развелись.

Муж быстро женился, и у него родились двойняшки – мальчик и девочка. Он позвонил Кире и сообщил радостную весть. Она ответила «Сволочь!» и горько расплакалась.

Потом Кира купила однокомнатный кооператив – спасибо родителям. Перешла на другую работу, стала неплохо зарабатывать. Сошлась с мужчиной по имени Борис. У него была семья, и Кире он ничего не обещал. Но ее все устраивало. Она привыкла к своему одиночеству и даже уже находила в нем прелесть и удовольствие.

Однажды в автосервисе (что-то случилось с машиной) она встретила Митю. Тот очень изменился – пополнел, полысел. Он очень обрадовался встрече, уговорил зайти в соседнее кафе.

За кофе он рассказывал, что успел два раза жениться, родить в одном браке дочь, в другом – сына, но как-то не сложилось, и он вернулся к Мадам.

– Как она? – тихо спросила Кира.

– Да все так же, – хохотнул он. – Строит меня и живет в свое удовольствие. Внуки ей до фонаря. Я тоже. Все как обычно.

– А дети твои, как дети? – спросила Кира.

– А что дети? – удивился он. – Нормальные дети. Дочка в музыкалку ходит, вроде у нее способности. А сын со своей матерью в Германии – про него я мало что знаю.

– Они здоровы? – спросила Кира.

Он удивился и пожал плечами.

– Да все нормально, Кир, как все дети. Ну, ветрянка, краснуха, сопли. А так все обычно вроде.

Кира кивнула:

– Слава богу, Мить, слава богу.

Потом Митя рассказал, что собирается в Америку. Появилась девушка, ну, не девушка, конечно, женщина. Американка. Зовут Келли. В общем, скорее всего, они поженятся, и он уедет с ней в Америку.

– А мать, мать ты заберешь с собой? – спросила Кира.

– Я же не самоубийца! – рассмеялся Митя. – Ну, и вообще, у нее своя жизнь. Никто ей не нужен. – А потом как-то грустно добавил: – Жаль, Кирюх, что у нас с тобой не срослось, правда жаль. Молодые были, зеленые. Ни черта в этой жизни не смыслили. А может, если бы ты родила тогда, может быть, и ничего, сложилось, а?

Кира кивнула:

– Может быть.

Потом они обменялись телефонами, и Митя чмокнул ее в щеку, по-братски.

Он позвонил примерно через полгода и обратился с деликатной просьбой. Объяснил, что оставляет энную сумму для поддержки Мадам, но все деньги отдать ей нельзя – обязательно вложит в какую-нибудь пирамиду, впутается в аферу или просто спустит все в одночасье. Словом, просил он, нужно привозить ей в месяц понемногу, чтобы на жизнь хватало. Тогда душа у него будет спокойна.

– Не хочется обременять тебя, Кирюш. Но больше мне доверить это некому.

– А твои жены, друзья, наконец? – удивилась Кира.

– Друзьям не доверю, с моими бабами у Мадам как-то не сложилось. А с матерью дочки, Карины, они вообще лютые враги. – И что-то еще опять про доверие и надежность ее, Киры.

– Подумай сам, Мить, – сказала Кира. – Зачем мне все это надо? Думать об этом, помнить, ездить к ней, терять время?

– Все так, – согласился он. – Это наглость, конечно, с моей стороны.

И все же он уговорил ее. Умудрился. Кира согласилась.

Так в ее жизни опять появилась Мадам. Она здорово сдала, но по-прежнему была величава и надменна. Крупная, с седой косой, закрученной на затылке, с темной полоской усиков над верхней губой. С непременной сигаретой в углу рта. Только в глазах появился страх – страх одиночества.

Кира приезжала к ней раз в месяц – привозила деньги. Иногда Мадам просила прихватить по дороге продукты – хлеб, молоко, что-то по мелочи. Зимой она из дома не выходила – боялась упасть. Иногда они пили чай на кухне, и Мадам показывала фотографии Мити и его семьи. В Америке у Мити был красивый дом с бассейном, стройная американская жена и двое мальчишек. Кира вглядывалась в фотографии детей – обычные здоровые и озорные дети. Ничего настораживающего.

«Четверо детей, – думала Кира. – Четверо абсолютно здоровых детей. Господи, слава богу! Природа оказалась к Митьке милосердна».

Мадам привязалась к ней – часто звонила, часами рассказывала про болячки и просила Киру не забывать ее. Когда деньги кончились, она позвонила Мите и сказала, что теперь от обязательств свободна.

Он благодарил:

– Да, да, Кирюш, спасибо, буду отсылать деньги по почте.

А Мадам продолжала звонить. Она уже вошла в Кирину жизнь, и ничего нельзя было с этим поделать. Кира продолжала к ней заезжать – что делать, такой

характер. Ругала себя на чем свет стоит – но продолжала к ней ездить. Последний раз отвезла ее в больницу – две недели назад.

Кира достала из шкафа нижнее белье и стала перебирать платья. Выбрала темно-зеленое, в желтых ромашках, любимое платье Мадам. Все сложила в пакет и вспомнила о документах на захоронение. Когда-то Мадам показала ей, где лежат все бумаги – в старом Митином «дипломате» в темной комнате.

Она нашла этот портфель и стала перебирать бумаги. Какие-то старые счета на квартиру, редкие письма от родни, Митин школьный аттестат – в общем, обычная бумажная белиберда. А потом увидела выписку из больницы. На Митиного отца. Старую, пожелтевшую, замятую на сгибах. Причина смерти – прободная язва. Сопутствующие заболевания – хронический бронхит, пиелонефрит, гипертония. Никаких намеков на душевную болезнь. Консультация невролога и психиатра – практически здоров. По их ведомству – ровным счетом ничего. Ни-че-го. Значит, Мадам ее тогда обманула. У Мити – четверо абсолютно здоровых детей, у нее – ни одного. Она одна как перст на этой земле. А Мадам не нашла времени покаяться, попросить прощения за ее, Кирину, поломанную жизнь.

Кира долго сидела в кресле, час или два. Потом встала, открыла записную книжку Мадам и принялась обзванивать знакомых. Кого-то не было дома, кто-то ссылался на болезнь, а кто-то просто говорил, что не считает нужным прийти и попрощаться.

– Значит, опять я, – сказала она вслух и глубоко вздохнула. – Значит, опять я, больше некому.

Она взяла пакет с вещами Мадам и вышла из квартиры.

В понедельник, в девять утра, она стояла в больничном морге в зале прощания. Мадам лежала в гробу – величественная и грозная. «Теперь тебя никто не боится, – подумала Кира. – Никто! И я в том числе. И мое прощение уже вряд ли тебе нужно. Хотя кто знает».

Она подошла к Мадам и положила в гроб шесть белых гвоздик.

«В конце концов, многое мы делаем для себя. Исключительно для себя», – думала Кира.

В зале зазвучала траурная музыка.

Она провожала Мадам в другую жизнь.

Под небом голубым…

Диктор пропела нежным голосом:

– Началась посадка на рейс номер триста пятнадцать. – Первый раз нежно, второй раз с угрозой: – Внимание! – и повторила.

Их призывали не опоздать. Жаров вытянул шею и покрутил головой, ища жену в разноцветной толпе. Впрочем, это было несложно – Рита была высока, почти на голову выше всех прочих женщин. К тому же женский пол в основном был представлен паломницами – сгорбленными и не очень бабульками в светлых платочках, испуганно оглядывающимися по сторонам, вздрагивающими от колокольчика, предваряющего объявления. Все им было незнакомо и вновь.

В кресле, прикрыв глаза, сидел крупный, полнотелый батюшка. Паломницы с надеждой бросали взгляды и на него – он-то не бросит, поддержит своих прихожанок.

Рита стояла, отвернувшись к взлетному полю. Лицо ее было напряжено, брови сведены к переносью, а взгляд, как всегда, в никуда…

Точнее – не как всегда, а как в последнее время.

Жаров с минуту разглядывал жену – очень прямая спина, высокомерно вскинутая голова, юбка почти до щиколоток, серая кофточка на мелких пуговичках, шелковая косынка на голове, замотанная наподобие тюрбана.

Ему показалось, что она шевелит губами, впрочем, к этому он тоже привык, и это было уже не так важно. Он вздохнул, откашлялся и выкрикнул:

– Рита!

Она обернулась, нашла его в толпе и слегка нахмурилась. Он сделал жест рукой, показывая ей, что пора на посадку.

Она медленно подошла к нему и, не говоря ни слова, посмотрела на него тяжелым взглядом.

– Пора! – снова вздохнул он. И, словно оправдываясь, добавил: – Объявили.

Она вздрогнула и пошла вперед – к стойке последней регистрации.

Он привычно двинулся следом.

Сзади них пристроились бабульки-паломницы, и Рита, обернувшись на них, вдруг скорчила недовольную мину.

– К богу едешь, – тихо шепнул Жаров, – а вот ротик кривишь, – и он кивнул в сторону бабок.

Жена не повернула головы в его сторону.

Бабки и вправду суетились, нервничали и оттесняли Риту в сторону – вот и причина ее недовольства.

Наконец расселись в салоне. Рита у окна, он в середине. Рядом оставалось пустое место.

Паломницы, казалось, чуть успокоились – сели впереди них, и запахло вдруг ладаном, глаженым бельем и… старостью.

Сбоку сидела семейная пара – он был в светском, а она, его спутница, в длинном, до пола, шелковом платье и красивом, видимо праздничном, расшитом шелком,

хиджабе.

Женщина была очень красива, но глаз не поднимала.

«Шехерезада, – подумал Жаров, – как хороша!»

Наконец появился молодой человек с длинными пейсами, закрученными в спиральку, и в черной шляпе с высокой тульей. Он вежливо и приветливо кивнул, расположился рядом и достал планшет. Жарову стало весело. Вот чудеса, боже правый! И вправду святой город. Всем там есть место – и тем, и другим. И как бы там ни было сложно, к своим богам люди все равно будут стремиться, невзирая на конфликты и войны. И всем хватит места наверняка!

Рита откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Жаров расслабился, вытянул ноги и достал из кармана газету. Когда разносили обед, он тронул жену за плечо. Не открывая глаз, она мотнула головой, а он с удовольствием начал расправляться с тушеным мясом и рисом – вполне себе, вполне! Хотя после чашки пустого утреннего кофе…

Иногда он бросал взгляд на жену – ему казалось, что она задремала. Ну и слава богу! Вот отдохнет и…

А что, собственно, «и»? Ничего не изменится. Ничего.

Он вздохнул, закрыл глаза и попытался уснуть.

Борька мотался с унылой мордой, ожидая не очень званых гостей. Впрочем, морда у Левина всегда тусклая и почти всегда недовольная.

Увидев Жаровых, Борька рванул к ним, и щербатая улыбка осветила его мятую физию. С Жаровым они обнялись, похлопывая друг друга по спине, внимательно посмотрели друг на друга, оценивая, и снова обнялись. Теперь было видно, что Борька рад старому приятелю. Рита стояла поодаль – отрешенно, словно не имела к этим двоим ни малейшего отношения.

– Что с ней? – шепнул Жарову Борька.

Жаров сморщил лицо и махнул рукой – потом, брат. Потом как-нибудь… После.

Мужчины подхватили чемоданы и двинулись к выходу.

Иерусалим жарко выдохнул им в лицо горячим дыханием и пряным южным запахом – нагретого асфальта, заморских цветов и восточных специй и… пыли.

Небо было таким ясным, чистым и таким неправдоподобно синим, что Жаров зажмурился. Пальмы чуть шевелили длинными жесткими, растрепанными по краям листьями. Пыльные бунгевиллеи – всех цветов, от белого до малиново-красного – вились по заборам стоящих вдоль дороги домов.

– Клево у вас. Просто рай, честное слово! – заерзал на сиденье Жаров и грустно добавил: – А у нас уже… Дожди и туманы… Октябрь, блин!

– Клево, – саркастически усмехнулся Борька и, тяжело вздохнув, добавил: – Хорошо, где нас нет! А потом, октябрь – самый хороший месяц. Только дышать начали. Тебя бы в июле… Вот когда чистая жесть!

Рита в разговор не вступала. Борька косился на нее удивленным взглядом, а потом снова вопросительно смотрел на приятеля. Жаров развел руками – что поделаешь, брат! Такая фигня!

Жаров крутил головой, пытаясь рассмотреть сразу и все.

Борька усмехнулся.

– Здесь, брат, двадцать лет проживешь и всего не увидишь! Такая страна…

На этой фразе он тяжело вздохнул, и было непонятно, восхищается он или сожалеет об этом.

Наконец въехали в Борькин район. Сразу стало как-то уныло – дома, похожие на московские хрущевки, отсутствие яркой зелени и хороших машин.

У подъездов, совсем по-московски, сидели старики и с интересом разглядывали редких прохожих и проезжающие машины.

– Приехали, – со вздохом констатировал Борька, – вот он, рай. Мать его за ногу!

Поднялись на третий этаж – лифта в доме не было, а лестница была узкой и неосвещенной.

– Экономия! – снова вздохнул Борька. – Здесь воду в сортире лишний раз не спустишь – счетчики, батенька!

– У нас тоже счетчики, – успокоил его Жаров, – правда, вот на сортирах мы еще не экономим – что правда, то правда! Но, – тут уже вздохнул Жаров, – наверное, скоро придется…

Рита шла позади мужчин и по-прежнему молчала.

Дверь в Борькину квартиру была картонной, не обитой и сильно потрепанной.

После московских, практически «сейфовых», это тоже было смешно.

Прихожей не было, сразу начиналась комната – узкая, небольшая, с низким потолком. Пол был выложен кафельной плиткой – Борька тут же прокомментировал:

– На жару, блин! А что делать зимой…

– Теплые полы! – сообразил гость.

Хозяин посмотрел на него, как на умалишенного.

– А! Электричество! – дошло до него наконец.

– Ну а тогда – в валенках! – бодро посоветовал Жаров.

Борька кивнул.

– Да все так и делают! Впору открывать артель. По валенковалянию. Другое «валяние» здесь не пройдет, – и снова тяжко вздохнул.

Из комнаты – салона, как высокопарно обозначил его хозяин, – вела дверь в восьмиметровую спаленку и крошечный туалет.

Жаров прошелся по квартире и присвистнул.

– И как мы тут? Все?

Левин пожал плечом.

– Не графья! Вам отдадим спальню, а сами с Наташкой – в салоне.

Рита стояла у окна. Жаров затащил чемодан в спальню, сел на кровать и задумался.

Господи! Какая же чушь! Припереться сюда, к Борьке. Упасть им с Наташкой на голову, стеснить близких людей… Нет! Надо в гостиницу. Непременно – в гостиницу! И что этот баран не сказал ему про свои «хоромы»? Они бы сразу все переиграли. И не было бы всей этой чуши… в тридцати метрах да с Ритой…

Наташка с ней никогда не ладила. Точнее – не могла найти общий язык. Впрочем, с коммуникацией у его жены всегда были проблемы… Не было у нее задушевных подруг – такой человек. А уж сейчас… Что говорить «про сейчас»?

На предложение снять гостиницу Борька ответил скептически.

– Это вряд ли, сейчас череда праздников, и с гостиницами в Иерусалиме сложности – с хорошей наверняка, а помойка вам не нужна, правильно? Да и цены здесь – мама не горюй!

В разговор вступила молчавшая до сей поры Рита.

– Меня все устраивает! – коротко бросила она и жалобно добавила: – А нельзя ли поспать?

Жаров оживился и обрадовался и начал застилать постель.

Борька по-прежнему смотрел на него с изумлением.

Рита наконец ушла в спальню, а они с Борькой вышли на балкон – покурить.

– Такие дела, Борька, – горько сказал Жаров, – такие дела… Подробности – письмом. Но ты мне поверь, – он посмотрел на Бориса страдающим взглядом. – Она имеет на это право. А я, – тут он усмехнулся, – а я, Борька, муж! И это, как говорится, и в горе, и в радости…

Он зашел в Борькину спальню, посмотрел на спящую Риту и прилег рядом. Минут через пять он уснул.

Наташка моталась по кухне как подорванная. Маленькая, росточком с сидящую собаку, как обидно шутили в их компании, крепенькая, наливное яблочко, круглая попка, большая грудь, кудряшки ореолом, словно нимб над головой, и – вечный стрекот! Наташка трещала всегда и всюду, в любой ситуации. Давно забылось, кто привел ее в их компанию, но она сразу прижилась, в один день. Тут же принялась хлопотать, опекать кого-то, возить заболевшим яблоки с апельсинами – словом, Наташка была «всешний» друг и соратник. Ее так и воспринимали – подружка. Можно было поплакать на Наташкином круглом и теплом плече, приложиться к мягкой груди и быть уверенным, что она все поймет. А главное – пожалеет! Вокруг кипели романы, бурлили страсти, кто-то кого-то безумно любил, потом, как водится, разлюбил. Все страдали, сгорали от любви, сходились-расходились, а она… Она по-прежнему была мамкой и нянькой.

Жаров помнил, как однажды, совсем среди ночи, будучи прилично бухим, он, не зажигая света, вслепую, на ощупь, набрал ее номер и хрипло выдохнул в трубку:

– Зотова, спаси!

И самое смешное, что, «выхаркав» свою боль, он тут же уснул, а через полчаса в дверь раздался звонок – на пороге стояла Наташка Зотова и встревоженно смотрела на него.

Ну, ночью тогда все и случилось – он помнил плохо, почти не помнил совсем, ему тогда это было просто необходимо, и она поняла. Вот только утром он почему-то смущенно извинился, а она, жаря яичницу, весело объявила:

– Да забыли, Жаров! Скорая помощь – и все дела! Тебе уже легче?

Наверное, стало легче… Черт его знает. Все давно стерлось, забылось, покрылось «пылью времен» – не о чем вспоминать. Наташка Зотова – и смех и грех! «Подруга дней его суровых».

Потом у Наташки образовалась свободная квартира – бабкина, что ли… ключи просили все попеременно, и Зотова никому не отказывала. Все знали, где лежит чистое белье и что в холодильнике всегда есть пельмени и яйца.

Когда Борька Левин объявил, что они с Зотовой вступают в законный брак, все удивились. А Жаров не очень – с бабами у Борьки не складывалось: Борька, смешной, носатый, унылый и занудливый, ценился исключительно как друг.

Было вполне логично, что они «спелись». И Жаров тогда порадовался за обоих.

Свадьба была шумная, сумбурная – оказалось, что у Борьки и Наташки целая куча родни, и Наташкина мать хотела все сделать «по правилам».

Бойкая она была бабенка, эта Наташкина мать, – все задирала тихую Лию Семеновну, Борькину матушку, а та вытирала глаза светлым платочком: Наташка ей в принципе нравилась, а вот новая родня…

– Это надо пережить, – посоветовал он в курилке вконец раскисшему Борьке, – в конце концов, родители имеют на это право!

Так он сказал, а вот думал иначе: после всей этой вакханалии – с тамадой, ансамблем, танцем молодых и пьяными родственниками – решил твердо: такого у него никогда не будет!

И вправду не было – с Ритой они расписались без помпы и тут же уехали в Таллин.

Рита… Он влюбился в нее сразу, в одну секунду – в эту странную, холодную, как казалось, и замкнутую женщину. Загадка… загадка она, и загадка его к ней любовь. Большая любовь, длиной в целую жизнь.

Ему никогда не было с ней просто. И все же… Он никого и представить не мог рядом – ни одну из его прежних и многочисленных пассий.

В компанию Риту не приняли – ни ребята, ни тем более девочки. Инка Земцова, большая умница, кстати, сказала ему тогда:

– Ты, Жаров, лопух! Или – слепой. Ты что, не видишь, что Маргарита твоя… Не нашего поля!

Он усмехнулся, в душе обидевшись, – не вашего? Ну, уж не твоего точно! А про мои «поля» не тебе, мать, судить!

Его, Жарова, мать тоже не приняла Риту – «после всех твоих девочек, Шурик!».

И началось перечисление – Мариночка, Света, Танюша.

Мать и вправду всегда находила с ними общий язык – общалась легко, пили чай на кухне, сплетничали и обсуждали его, Жарова.

– Снежная королева, – говорила мать про невестку подругам и тихо, чтобы сын не услышал, добавляла: – Совершенно не о чем с ней говорить! Что бы я… Ты, Туся, меня хорошо знаешь!

А молодая жена никому не стремилась понравиться. И только он, Жаров, знал ее всю, до донышка, знал и любил.

Был уверен – она не предаст. Никогда! Никогда не скажет ни о ком дурно – даже о тех, кто явно не симпатизирует ей.

Никогда не осудит чужие проступки, только вздохнет:

– Все мы люди, Саша! И никто не знает, что нас ждет за углом.

Ее считали высокомерной, надменной, а она была просто… Скрытная, не очень «людимая», любящая уединение и тишину.

Она могла уйти гулять в парк одна и надолго – сначала он обижался, а потом привык.

В его компанию она ходила неохотно, но ходила.

– Я не могу лишать тебя обчества, – вздыхая, говорила она.

А в Новый год попросила:

– А давай вдвоем, только ты и я? Можно?

Жаров растерялся: уже были составлены списки покупок и меню – им, например, надлежало сделать салат из крабовых палочек и испечь лимонный пирог.

Он вздохнул.

– Хорошо… Раз ты хочешь…

И вправду, Новый год тогда удался. Они накрыли стол, зажгли свечи, загадали желания, выпили шампанского и пошли танцевать. А в час ночи, абсолютно игнорируя разрывающийся телефон, пошли в лес – благо лес располагался рядом, только перейти шумное шоссе.

В лесу они зажгли бенгальские огни, снова выпили остатки прихваченного шампанского – полбутылки и прямо из горла – и… раскинув руки, упали в сугроб!

Над головой низко висело темное низкое небо, на котором, словно новогодние лампочки, горели мелкие и яркие звезды.

Она знала все звезды и все созвездия.

– Откуда? – удивился он.

Она объяснила:

– Да я все детство ошивалась в планетарии. Ездила туда по два раза в неделю. Там такая благодать, – сказала она задумчиво, – тишина и покой. И звезды на небе…

Он удивился:

– Одна? Ты ездила туда одна? Без подруг, без девчонок?

Теперь удивилась она:

– А кто мне был нужен? Там? Наверное, я сбегала туда от всех – от брата, родителей, школы… Только там я могла побыть… одна. Совсем одна, понимаешь?

Он тогда привстал на локте и, смахивая с варежки снег, как бы между прочим спросил:

– Рит! А тебе… Вообще… Ну, кто-нибудь нужен? В смысле – по жизни?

Она рассмеялась – это модное нынче «по жизни» они ненавидели оба.

А потом тихо сказала:

– Ты. Ты, Жаров, мне нужен по жизни. Чессно слово! А больше… – Тут она замолчала и продолжила: – А больше – никто!

Врала. Вот про это «никто» безбожно врала. О ребенке она мечтала. И как! Вслух это не обсуждалось, но… Он это знал.

И ничего не получалось. Проверились – оба здоровы. Совершенно здоровы. Ну, просто придраться не к чему. А вот не получалось, и все!

Господи, через какие муки она прошла! Ректальная температура, графики женских событий, календари для успешного зачатия. Четыре больницы. И –

снова в «молоко».

Он уговаривал ее успокоиться. Господи! Ну, бывает и так. И что, жизнь заканчивается? Да ничего подобного. Продолжается жизнь! И чем она, скажи на милость, плоха? Чем плоха наша с тобой, моя дорогая, семейная жизнь?

Она замыкалась все больше и отвечала одними губами:

– Ничем. Ничем не плоха. А вот…

Путь был проторен – сначала врачи, потом знахарки, возил ее куда-то, чуть ли не в Белгородскую область к какой-то полусумасшедшей бабке. Ночевали в Доме колхозника – сырость, холод, мышиный запах от влажного белья. Бабка дала пять бутылок мутной воды. Вода была выпита, бутылки валялись на балконе, и она почему-то все не давала их выбросить.

Пустое. А потом началась церковь. Она ходила туда пару раз в неделю – служба утренняя, служба вечерняя. Появились новые «подружки» – баба Валя и Соня. Первая – простая, обычная и душевная, одинокая бабка, а Соня эта… Он сразу понял – вот Сони не надо. Странная, молчаливая, тихая… А рядом с ней страшно. Ездили с Соней на богомолье. Он сказал: «Без меня!»

Потом Соня куда-то исчезла. Он пошутил:

– В монастырь?

Рита ответила – спокойно и буднично:

– Умерла.

Оказалось, та была страшно больна.

Он тогда устыдился.

– Ну, надо же. Но я ж не знал!

– А никто не знал, – откликнулась Рита, – даже я. Узнала все позже, постфактум.

Они тогда очень отдалились друг от друга. Он подчеркнуто не принимал ее жизнь, а ей, казалось, стала безразлична его.

Однажды взмолился:

– Рит! А как раньше не будет?

Она пожала плечом.

– Как раньше… – И честно сказала: – Не знаю. – А подумав, твердо добавила: – Этот путь я пройду до конца.

Потом она собралась в какой-то дацан – в Улан-Удэ, что ли. С каким-то Николаем и его сестрой Таей. Те были буддистами. И что-то там сорвалось. Слава богу. Какие буддисты, какой дацан? Свихнуться можно. Еще стала почитывать какие-то брошюрки, пряча их в свою тумбочку. Однажды он вытащил их – очередная белиберда: адвентисты седьмого дня приглашали ее в свое «лоно».

Он порвал тогда эти писульки и выкинул. Она очень плакала, дурочка.

«Ясно», – кивнул тогда он и уехал на три дня на Волгу. Прийти в себя, порыбачить на даче сотрудника. Может, отойдет? Тоска отойдет, напряженка.

Отошло. Иногда думал: привязаны друг к другу толстенными канатами – не отвязать. Пятнадцать лет «общей» жизни. Вечность! Проросли друг в друга корнями – не разорвать. Только если рубить топором, по живому.

Он – молодой, по сути, мужик, сорок пять – тьфу, чепуха! Прожить две полноценные мужские жизни – да раз плюнуть! Завести молодую жену, родить пару-тройку детей…

С нуля, с чистого листа – без помарок.

А ее оставить в прошлой жизни. Почти наверняка – одну навсегда. С ее-то натурой… Вряд ли она сможет устроить личную жизнь – сорок два года для

бабы… Ну, почти каюк, кранты. Редкий ведь случай. И не для нее, Риты!

И живо представил – сухонькая, одинокая, стареющая женщина. Одна во вселенной. Ну, может быть, с кошкой…

Старые, пожелтевшие газеты на тумбочке в коридоре, запах заваренной валерьянки и вареного хека для кошки. Десятилетней давности плащ на крючке и стоптанные ботиночки – почти мальчиковые, удобные, плоские – всесезонные.

Что она сможет еще позволить на жалованье учителя хореографии?

И будет она истончаться, стареть – медленно, но бесповоротно. И станет почти бесплотной старушкой, с трудом выходящей в полдень за хлебом. Вязаная шапочка из дешевой шерсти с оптового рынка. Суконная юбка, плешивая шубка.

Нет! Да пошли вы все к черту. Значит, так – как дадено богом. Значит, вместе и до конца. Потому, что «проживать» он ту, другую, жизнь просто не сможет! Не может, потому что… Любит? Жалеет? Богом даденная жена? Да все вместе – наверное, так… И любит, и жалеет, и жена… Просто с годами все так трансформируется… Концов не найдешь – где любовь, а где жалость. И еще – где привычка!

Или он слишком хорошего мнения о себе? Понимает ведь, что жизнь их, семейная, личная, так сказать, интимная (Фу! Совсем противно!) закатилась в тупик. Стоит там как ржавый, давно списанный паровоз и ждет своей участи – то ли на металлолом, то ли так и сгниет в темном отстойнике сам по себе…

А тут, когда все вроде бы чуть успокоилось – ну, живут разной жизнью, каждый сам по себе, – да такое ведь сплошь и рядом, – однажды сказала:

– А давай съездим в Иерусалим? Ну, просто еще раз попробуем… Мне кажется…

Тут он перебил ее, и довольно резко:

– Съездим! – И по складам: – Раз. Тебе. Ка-же-тся.

Сначала злился – задолбали его эти «кажется» и «а вдруг». А потом подумал – осень, есть десять дней отпуска. Море еще теплое. Ну, наконец, повидает друзей – Борьку, Наташку. Да и сам город – грех не увидеть. В общем, как ей откажешь – поехали!

Они проснулись, услышав звонкий голос Наташки – она бесцеремонно засунула кудрявую голову в комнату и улыбнулась.

– Вы что, идиоты? Спать, что ли, сюда приехали?

Жаров вскочил, наспех умылся и бросился в ее крепкие объятия. Наташка почти не менялась – те же кудри, те же объемная пятая точка и пышная грудь. Только везде прибавилось, разумеется. Она накрывала на стол и тараторила, тараторила…

Вышла Рита, и все наконец уселись. Попробовали местные специалитеты: пасту из гороха – со стойким вкусом орехов, баклажаны пяти, наверное, видов – в майонезе, с орехами, морковью, чесноком и прочей чепухой. А дальше было все знакомо и привычно – картошка с соленой скумбрией, салат, курица из духовки. Пили пиво и по чуть-чуть водки.

Наташка рассказывала про работу, общих знакомых, сына Димку и хвалила страну.

Борька скептически усмехался и восторгов жены, похоже, не разделял.

Наташка вообще была из тех, кто видит одно хорошее – вот уж счастливая способность, что говорить! Квартира мала? Не на улице! А что, в Москве была больше? А в Москве мы бы жили с Борькиной мамой.

– Да, Борюсь?

«Борюсь» вяло пожимал плечами.

– Жарко? Это да! Но для меня это лучше, чем московская слякоть и снег. Тяжело работаем? Господи, да где же легко? Все сейчас пашут как проклятые! Все и везде. Зато море – это раз! Сели в машину – и через час на море. Продукты – это

два! Молочко и фрукты – язык проглотишь! А медицина? – Наташка совсем распалилась. – Мама вот пишет, что у вас…

– Наташ! – перебил ее Жаров. – Да все хорошо. Ты не горячись так. И не уговаривай – мы сюда насовсем не собираемся. А что тебе тут прикольно, так мы очень рады! Правда, Ритуль?

Рита кивнула.

Димка, сын Наташки и Борьки, служил в армии и приходил домой на выходные, так что встреча с ним временно откладывалась.

Наташка накрыла чай и наконец притихла.

– А какие планы? Вообще? Что посмотреть хотите, куда съездить? Может, взять вам экскурсии?

Рита мотнула головой и посмотрела на мужа. Жаров отвел глаза.

– Мы сами, Наташ. Спасибо. Сами разберемся.

Наташка пожала плечами и стала убирать со стола. Жарову показалось, что она слегка обижена.

Утром проснулись от такого яркого солнца, от какого, конечно, не спасали легкие бамбуковые жалюзи.

Жаров подошел к окну, потянулся и стал глазеть на улицу. Улица была пуста, по ней проезжали лишь редкие машины.

Они выпили кофе, надели удобную обувь и заказали такси.

– Старый город, – коротко объяснил Жаров таксисту, похожему на индуса.

Таксист включил индийскую музыку.

– Откуда здесь индус? – удивленно пробормотал Жаров.

– Они везде, – объяснила жена, – индусы и китайцы. Везде, во всем мире.

Иерусалим переливался под солнцем – желто-белый, как сливочная помадка, яркий, несмотря на отсутствие красок. Одинаковый, но совсем не монотонный. Периодически, точно огни иллюминации, вспыхивали кусты бугенвиллей – красные, розовые, малиновые, оранжевые и белые.

А впереди уже показалась стена Старого города. Почему-то заныло сердце – тревожно и сладко.

Они вышли из машины и пошли пешком – дальше проезд был закрыт.

Узкие улочки перегораживали шумные толпы туристов. Звучала пестрая речь – английская, французская, испанская, итальянская. И, разумеется, родная русская.

Все одинаково задирали головы вверх, кивали, слушая экскурсовода, и наводили объективы камер и фотоаппаратов.

– Куда? – спросил он у Риты. – Сначала – куда?

Она как-то сжалась, напряглась, заглянула в блокнот, потом в карту и тихо сказала:

– Направо. К храму Гроба Господня.

Он вздохнул и кивнул – направо так направо. К Гробу так к Гробу.

Они долго шли сквозь арабский базар – шумный, грязноватый, назойливый, пахший подгнившими фруктами, специями и лежалым тряпьем. Вниз по ступенькам. Вверх. Снова вниз. Древний щербатый булыжник временами поливали водой. Где-то валялись раздавленные шкурки бананов. – Он взял ее под руку.

– Осторожно! Скользко.

Почувствовал, как напряжена ее рука. Она не оглядывалась на зазывал, не заглядывала в пестрые лавки.

Она шла так упорно, так прямо, словно знала дорогу. Ну и, естественно, заплутали. Монашка – совсем старенькая, в «ленноновских» очочках, в бежевом платье и белом островерхом чепце с накрахмаленными крыльями – вежливо вывела их на правильную дорогу.

Наконец вышли. В храм, туда и обратно, словно рекой с сильным течением, вносило и выносило людей.

– Пойдешь? – спросила жена.

Он мотнул головой.

– Здесь посижу.

Она кивнула и тут же влилась в толпу. И он сразу же потерял ее из виду.

Он сел на теплый камень – что-то вроде бордюра – и прикрыл глаза. Отовсюду раздавался приглушенный и монотонный шум. Солнце светило уже почти отчаянно – полдень, середина дня. И плевать, что осень и начало октября!

Он открыл глаза – мимо прошел высокий священник в черной рясе и высокой, узкой, как цилиндр без бортов, шапке. Дальше – стая монашек в голубом, совсем молодых, дружно щебечущих. Православный батюшка – ну, тут он узнал моментально. Серая ряса, непокрытая голова, волосы, собранные в хвост на затылке. Широкий крест. К нему поспешила одна из паломниц, похожая на ту, что летели тогда в самолете, он перекрестил ее, и она склонилась в поклоне.

Католический священник – в шелковой сутане и белой шапочке на голове. К нему обратилась женщина из толпы итальянских туристов. Священник подошел, начался шумный разговор, и все дружно смеялись. Потом он с поклоном простился.

Из переулка показалась яркая толпа иностранцев – они негромко пели псалмы и держались за руки. У входа в храм все притихли и внимательно слушали

рекомендации руководителя.

Жаров посмотрел на часы – Рита отсутствовала уже сорок минут. Он вздохнул и снова закрыл глаза.

«Надо набраться терпения! – подумал он. – в конце концов, если ей так проще…»

Наконец показалась Рита. Он поднялся и пошел ей навстречу.

– Ну, как? – спросил он, понимая всю нелепость вопроса.

Она посмотрела на него и одними губами ответила:

– Все нормально.

Он снова вздохнул и взял ее под руку. У торговца сухофруктами спросили дорогу. Он говорил долго и громко, размахивал руками и предлагал попробовать сушеных персиков.

Двинулись. Снова по влажным ступенькам, мимо лавок, домов, крошечных молелен и мечетей.

На посту – две молоденькие девчонки в беретах и парни в форме хаки – прервали свой веселый треп, проверили их сумки и пропустили через детектор. Они пошли дальше, а молодежь снова громко загомонила на гортанном незнакомом языке.

Вышли на площадь. Она была огромна, эта площадь. Там, у стены, толпился народ. Слева мужчины, справа женщины. Кто-то сидел на пластиковых стульях, кто-то стоял.

Рита направилась к женской половине. Там, среди пестрых одежд, ярких и темных головных платочков и шляпок он снова быстро потерял ее и, оглянувшись, уселся прямо на землю. Точнее – на каменную мостовую рядом с шумной компанией разновозрастной ребятни. Дети – кудрявые, глазастые, со смешными завитушками вокруг нежных лиц – пили воду, отбирали друг у друга конфеты, спорили и переругивались. К ним подошла женщина, скорее всего

мать – высокая, полная, с покрытой платком головой. Она цыкнула на них и отошла к подругам. На минуту дети притихли, а потом снова расшумелись и разошлись. Мать обернулась. Жаров столкнулся с ней взглядом, и она, широко улыбаясь, беспомощно развела руками.

Он увидел, что женщина беременна, и подумал: «Господи! Такая вот куча, а снова туда же! Да наши бы уже орали как резаные! А эта… цыкнула и махнула рукой. И снова треплется и улыбается… Чудеса».

Мимо проходили мужчины в странных одеждах – кафтаны, панталоны, огромные, словно надувные круги, шляпы, отороченные мехом. «Неужели это повседневная одежда? – с ужасом подумал он. – Это сейчас октябрь, а летом… Носить вот такую махину из меха!»

Он прислонился головой в каменной тумбе и продолжал рассматривать толпу. Мужчины молились, раскачивая туловищем. Кто-то был покрыт, как покрывалом, белым шарфом с синими полосами.

Малыш из соседней компании прислонился к ребенку постарше и сладко, приоткрыв рот, заснул. Брат, которому он явно мешал, чуть подпихивал его плечом, а тот снова заваливался и продолжал спать. Мать пригрозила старшему пальцем, и он, скорчив гримасу недовольства, замер как неживой. Сестра – девочка лет восьми – подошла к спящему ребенку и аккуратно засунула ему пустышку.

Наконец Жаров увидел Риту. Она шла медленно и плавно, и на ее губах чуть мерцала счастливая улыбка.

Он поднялся с земли, отряхнул джинсы и спросил:

– Ну, на сегодня – всё?

Она пожала плечами.

– Да, наверное. Пойдем поедим, а? – добавила она жалобно.

И снова ступеньки и уже надоевшие запахи. Снова зазывные окрики торговцев. Раздавленные бананы, кожура граната. Ее рука, доверчиво вложенная в его ладонь.

Приземлились – прохладно, старый, очень старый дом, в распахнутую дверь видны столики кафе. Наструганное мясо, мелко порезанные овощи, лук кольцами, соленые огурцы, теплая лепешка. Вкусно! Запивали только что, прямо на глазах, выжатым гранатовым соком.

Ноги гудели, глаза слипались, хотелось рухнуть в неразобранную постель и уснуть.

Устали. Он заметил – жена ест с аппетитом. Жадно, отламывая руками лепешку, макая ее в густой кисловатый соус.

Ну и слава богу! Давно не видел, как она увлеченно ест. «Значит, уже не зря», – грустно подумал он.

Конечно, ко всей этой затее он относился скептически: ну не получается. Что тут поделать! Бывает и так. Оглянись вокруг – куча людей живет и не парится. А тут… Вбила в голову – последний шанс, я почти уверена…

И все же нельзя лишать человека надежды. Никто не имеет на это права. Да понятно, что все это… глупость. В конце концов, лучше бы приехать сюда с другой целью – например, хорошая клиника. Но… Все уверяют, что они здоровы. Абсолютно здоровы. Значит, клиника, даже лучшая, тут ни при чем. А что же тогда? Судьба? Расположение звезд? Несовпадение светил? Сколько он, видя, как страдает жена, думал над этим…

А тут – помолодела, порозовела, лопает, как портовый грузчик. Только вот что будет потом… когда снова – и ничего?

Он перегнулся через стол и отер кетчуп с ее щеки. Она улыбнулась и перехватила его ладонь.

С минуту они смотрели друг другу в глаза. Потом, сглотнув в волнении комок, он бодро сказал:

– В магазин, а, мадам? Ну, что-нибудь там, из плотского? Из совсем низменного, например?

Она улыбнулась, кивнула и легко поднялась со скамейки.

А в магазине она быстро скисла, сказала, что устала, и попросилась «домой». Он вздохнул и кивнул – домой так домой.

В такси молчали. Она опять отвернулась к окну, словно отгородилась, отстранилась от него, и он снова почувствовал незримую, непробиваемую стену между ними.

Он взял ее за руку, но она высвободила свою ладонь.

Хозяева были на работе. Обед стоял в холодильнике – об этом сообщала Наташкина записка. Рита, не раздеваясь, легла на кровать.

Он открыл холодильник, вынул из пластикового контейнера холодную котлету, тут же сжевал и запил апельсиновым соком.

Потом сел в кресло и подумал: «А ведь достало все! Ой как достало! Все эти закидоны, припадки, тихие истерики. Человеку нравится жить в своих страданиях! Просто кайф упиваться ими. Нет чтобы жить и радоваться – денег хватает, работа – ну, синекура, а не работа! Ходи в своей кружок „умелые ноги“ три раза в неделю и пей кофеек. Вот нет же, вбила себе в башку!»

Он совсем расстроился, досадливо крякнул, достал из холодильника початую бутылку водки, налил полстакана и опрокинул в рот.

Потом улегся на диване в салоне, включил телевизор и не заметил, как уснул.

Разбудил его Борька – что-то грохнул на кухне. Жаров поприветствовал приятеля и заглянул в спальню – Рита читала какой-то журнал.

– Хочешь чего-нибудь? – спросил он.

Она кивнула – кофе.

Он обрадовался, побежал на кухню и стал варить кофе. Борька сидел на стуле и молча отслеживал его движения.

Вышли на балкон – перекур. Сначала смолили молча, а потом Жаров спросил:

– Ну а как тебе тут? Вообще?

Борька пожал плечами.

– Вообще… Вообще – хреново. Только… – тут он запнулся, – только не в стране дело. Страна тяжелая, правда. Но не тяжелее России. Не в стране дело – во мне. Мне везде хреново, понимаешь? Везде грустно, везде тоскливо. Ведь все от натуры… Вот Наташка, – тут он оживился, – русская баба, а в страну эту – необычную, очень необычную, – влюблена! И все ей по кайфу: и климат дурацкий, невыносимый. И работа нелегкая. И квартирка эта… – Он замолчал, задумавшись. – Говорит, ненавидит мороз. Врет! Мороз она тоже любила. Она все любит, понимаешь? Или – все готова любить. Настрой у нее такой. Все любит, и ничего ее не раздражает. Даже я… А я бы себя на ее месте убил. Нытик, зануда, брюзга… Да если бы не она, – тут Борька крепко затянулся и сглотнул слюну, – если бы не Наташка… Меня бы вообще давно не было!

Жаров молчал, свесив локти на перила. Потом кивнул.

– Тебе повезло! Она всегда была… Мать Тереза. И все ее очень любили!

– Да никто ее не любил! – вдруг завелся Борька. – Только пользовались – ее добротой и ее безотказностью! И даже я… Даже я ее не любил! Ну, в смысле – не сгорал от страсти. Она же была пацанкой! Всеобщий дружбан! Позвони – прибежит, не задумается! А поженились… Она одна, и я один. Два неприкаянных. Вот и прибило друг к другу волной. От одиночества. И оба мы все понимали. А я был влюблен в Светку Беляеву. Ох, как страдал! Просто загибался от страсти. Ходил тогда с температурой под сорок. Мама к врачу отвела, а те ни хрена не понимают. Анализы нормальные, симптомов никаких. А я… не могу встать с кровати!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/zhenschina-otgadka-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити